

ПОЛИНА РАЕВСКАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПАРАНОЙЯ

Почему я?

18+

СКАНДАЛЬНЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Полина Александровна Раевская
Паранойя. Почему я
Серия «Паранойя», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66691116

SelfPub; 2023

Аннотация

Он женат и отец моей подруги. Я – падчерица его врага. Между нами пропасть из запретов и обязательств. Но когда любовь превращается в паранойю, возможно все... Содержит нецензурную брань.

Полина Раевская

Паранойя. Почему я

Глава 1

«– Вы ее любите! – с удивлением сказала Энн.

– Всегда любил.

– Какое несчастье для вас обоих.»

К. Макколоу «Поющие в терновнике»

Не знаю, сколько мы с ней стояли вот так, обнявшись и ни о чем не думая, но вскоре Настя неловко отстраняется и, обведя взглядом соединенную с гостиной столовую, едва заметно морщится. Видимо, наткнувшись на семейную фотографию во всю стену.

– Можно мы отсюда уедем? Мне не по себе, – просит сдавленным голосом, снова пряча глаза. Она смотрит, куда угодно, только не на меня. Я же едва сдерживаю тяжелый вздох.

То, что будет непросто, я знал с первой секунды и примерно представлял, как решать те или иные проблемы, однако в них не входило чувство вины и стыд наивной девочки, которая еще не научилась без сожалений посылать совесть в известном направлении и принимать себя такой, какая она есть.

Никто из моих женщин никогда не носил розовых очков

и не был обременен моралью, да и сам я давно вышел из возраста противоречий, поэтому Настькины метания были мне хоть и понятны, но чужды. Я давно не признавал все эти праздные п*здострадания.

Хитрованы, слезно посыпающие головы пеплом, но неизменно творящие ту же херню, вызывали у меня исключительно смех. Так и хотелось пожурить: «Нет, лапонька, не проканаает. Ты либо крестик сними, либо трусы надень, а рыбку съесть и на х*й сесть не получится, как не рви себе душу.». Но Насе я этого, естественно, не скажу. В конце концов, она не лицемерка, просто возраст у нее такой нежный, и рефлексировать в восемнадцать лет, когда убеждения и принципы не проходят проверку реальной жизнью – вполне нормально. Это надо переварить, осмыслить, и принять. Поэтому просто соглашаюсь с ней коротким «собирайся» и, поцеловав, помогаю слезть со стола.

– Мне нужно в душ и что-нибудь надеть, – все так же не глядя, суетливо поправляет она халат.

– Олькина комната вторая направо, возьми у неё, что хочешь.

– Ничего не хочу, дай своё, – отрезает она и, наконец, поднимает на меня лихорадочный, полный сомнений и неуверенности взгляд. Мне хочется успокоить её, сказать банальное «всё будет хорошо», но она не хуже меня знает, что это не так. Наше «хорошо» возможно только за закрытыми дверями. И ее от этого ломает по- черному. Оно и понятно, не та-

кой должна быть первая любовь.

Но что я могу? Пообещать, что разведусь, женюсь и мы заживем счастливой, беззаботной жизнью?

Ну, если впаду раньше времени в маразм, то обязательно так и сделаю, однако сомневаюсь, что ей станет легче. Она же самоедством занимается, не потому что я женат, отец ее подруги и мудака, каких свет не видывал.

Нет. Ее грызет то, что она умудрилась во все это вляпаться по самые уши, и что теперь ни делай, этого уже не изменить. Максимум, что можем – позволить себе хотя бы одну ночь не грузиться и побыть теми, кем мы были в июле. Может, это и сказка, но именно этой сказки мне все эти месяцы не хватало, именно ради нее стоит рисковать.

– Иди ко мне, маленькая, – притягиваю к себе свою, едва сдерживающую слезы, сказку. Она, прикусив задрожавшую губу, мотает головой. И уже в следующее мгновение, закрыв лицо руками, начинает плакать у меня на груди, периодически в бессильной ярости ударяя по ней кулачком.

– Зачем ты обманул меня, Серёжа? Ну, зачем? Если бы я знала... Если бы я только знала...

– Шш, – сжав ее вибрирующее тело, целую с чувством в макушку, и шепчу, не зная, чем еще унять эту истерику. – Ты права, Настюш, это всё я. Ты ни в чем не виновата.

У нее вырывается смешок.

– Ага, – всхлипнув, иронизирует она. – Так всем и скажу.

– А ты собралась кому-то что-то говорить? – помедлив,

уточняя осторожно. Я почему-то был уверен, что мы с ней одинаково видим дальнейшее развитие наших отношений, но сейчас начинаю в этом сильно сомневаться.

– Ну, когда-то ведь придется, – отзывается она тихо. – Или что? – отстранившись, тянет с усмешкой, заглядывая мне в лицо.

– Что? – включаю дурачка.

– Типа ты не понял.

Втягиваю с шумом воздух и подхожу к столу, чтобы взять сигареты. Сделав затяжку, смотрю на нее сквозь пелену дыма, и в душе не еб*, чего она от меня сейчас ждет, каких признаний. Сама ведь пришла, зная, что я ей не любовь до гроба предлагаю. Так какого хера?

– Насть, ты что от меня хочешь услышать? Что я, по-твоему, должен сказать? Пообещать, что завтра же разведусь, брошу детей и женюсь на тебе?

– Причем здесь это?

– Ну, а что тогда? К чему вопрос? – давлю, начиная по-настоящему беситься. Настька отводит взгляд и с тяжелым вздохом признается:

– Не знаю. Просто не могу представить, как это все будет. Ты там с семьей, а я? Я не смогу так.

– А может, ты сегодня не будешь ничего представлять, а побудешь здесь и сейчас со мной? Ты ведь сама пару минут назад просила об этом.

– Просила, но это слишком тяжело. Все здесь давит... –

поморщившись, оглядывает она рамки с фотографиями.

– Знаю, Настюш, но хотя бы на одну ночь давай попробуем? Я ужасно соскучился по твоей улыбке, хочу снова ее увидеть.

Она прикусывает губу, и, помедлив, все же едва заметно улыбается сквозь слезы.

– Хорошо. Давай попробуем.

Сделав последнюю затяжку, выдыхаю с облегчением и тушу сигарету.

– Пойдём, оденем тебя, – киваю в сторону спальни. Правда, как только заходим в неё, понимаю, что надо было просто вынести вещи.

У Настьки такое выражение лица делается при виде нашей с Ларкой кровати, словно та виновата во всех её бедах.

Едва сдерживаю крутящийся на языке мат. Чувство, будто по минному полю шагаю, и честно, это начинает понемногу заёб*вать. Не привык я танцевать вокруг бабы и её тонкой душевной организации танцы с бубном. Но кого это волнует? Явно не того приколиста, что «наградил» меня чувствами к «цветочку аленькому», на который разве что только любоваться, не то, что в любовницы брать. Я бы, конечно, мог ее встряхнуть. Сказать, что лучше бы она такое лицо делала, когда я её вылизывал на столе, за которым будет обедать моя семья. Но смотрю в её заплаканные глазенки, и щемить начинается от этого потерянного взгляда.

Ну, куда её ещё встряхивать? И так наломал дров дальше

некуда. В конце концов, всё она понимает, просто не справляется. И моя задача не усугубить её чувство вины, а наоборот притушить, если я хочу получить свою гребанную сказку.

В общем, самое время подыскать бубны и научиться отплясывать. Чую, с Настенькой я такие па разучу, что всем этим п*дорам в лосинах и не снилось.

Усмехнувшись своим мыслям, открываю дверь в гардеробную и приглашающим жестом указываю на ряды шкафов.

– Выбирай.

– Ни фига себе! – присвистывает Настена, проходя внутрь. – Да вы – шмотошник, Сергей Эльдарович!

Я хмыкаю. Ну, наконец-то, начала приходить в себя.

– Это ещё ерунда, – цепляюсь за тему, чтобы окончательно вывести Сластенку из загрузки. – Вот лет десять назад, когда у меня только – только деньги дурОм пошли, я вообще два раза не надевал ни рубашки, ни носки, ни трусы. Сразу выкидывал. А это, на минуточку, был все тот же люкс от пятисот баксов и выше.

– О, Господи! Надеюсь, ты не внёс свою лепту в байки про «новых русских» и их золотые унитазы?!

– Увы, Настюш, моя жопа на меньшее была не согласна, – развожу руками, едва сдерживая смех, когда она округляет глазищи.

– Ну, ты же шутишь, да? – уточняет с улыбкой.

– А ты как думаешь? – дразню её и подхожу к шкафу.

Мне тоже не помешает переодеться. Настькины потирушки об мой член живописно, конечно, смотрятся белыми разводами, но сводят на «нет» все мои попытки закосить под благородного принца.

– Не знаю. От тебя можно ожидать, чего угодно. Не удивлюсь, если ты все-таки заказал его ради прикола, – пожимает она плечами и достаёт мою черную толстовку с вышитой на груди оскалившейся мордой тигра. Я переодеваю штаны.

– Это что, они? – неожиданно восклицает Настька, в очередной раз уставившись на мой пах, как на восьмое чудо света.

– Они? Ты про отлитые по спецзаказу? – уточняю шутиливо, отчего Настька становится одного цвета с моими трусами.

– Нет, Сергей Эльдарович, это я про ваши легендарные, красные брифы, сразившие меня в первую встречу наповал, – не взирая на смущение, отзывается она с ехидной улыбочкой.

– Да? А я думал, тебя сразило их содержимое.

– Не хочу разочаровывать, но мне тогда не с чем было сравнивать, чтобы настолько впечатлиться.

– А сейчас типа есть с чем? – интересуюсь со снисходительным смешком, на что в ответ она неопределенно пожимает плечиком и с сосредоточенным видом начинает выбирать штаны.

Я же слегка так охреневаю. Нормально Настенька отжи-

гает: обтекай типа, милый, трахаться не трахалась, но в штанах у кудрявого додика пошерудить успела. И ведь не предъявишь паскуде – сам же к нему отправил.

Впрочем, я не столько ревную, сколько бешусь, что она дразнит меня, как пса какого-то. Понятно, конечно, что ей, как и всякой бабе, нравится будить во мне рычащего собственника, но только я не тот мужик, который умеет играть в эту игру цивилизованно. Мне либо похер, либо башню срывает, как той ночью на кухне. Сейчас, правда, какое – то непонятное ощущение: вроде и не то, чтобы похер, но и ревновать к сопляку как-то смешно.

– Ну что, выбрала? – спрашиваю преувеличенно бодро, гоня от себя идиотские размышления.

Трогала и трогала. Хер с ней! Я монахом тоже не сидел.

– Выбрала, – кивает она, вытаскивая из выдвижного шкафа белые носки и трусы с модной брендовой резинкой.

– Собираешься их надеть?

– Ну, не в рамочку же вставить, хотя от тех, что на тебе в качестве сувенира не откажусь, – подмигнув, разряжает она атмосферу.

– Мне прям щас их снять? – сунув большие пальцы под резинку, слегка приспуская штаны с трусами, намеренно смущая её, но она хоть и розовеет, но, как и всегда, не тушется.

– Ох, лучше потом, Сергей Эльдарович, а то боюсь сомлеть от красоты, – парирует она с придыханием и приторной улыбочкой, вызывая у меня смех.

– Нарываешься, Анастасия Андреевна, – притягиваю её к себе и сжимаю через халат упругую попку.

– Да? И на что же? – игриво выдыхает Настька мне в губы, забросив на плечо стопку одежды.

– На то, чтобы я твой дерзкий ротик заткнул своей "красотой", – шепчу, обводя языком её пухлые губы.

– Неужели? – касается она его своим и усмехнувшись, слегка прикусывает. – Смотрите, так ведь можно и без красоты остаться.

Мы смеёмся. И мне от её хитренькой улыбки и сверкающих весельем глазок так тепло, будто за окном не дождливый ноябрь, а солнечный, но ещё не жаркий май.

Зарываюсь рукой в её влажные волосы и целую без языка, нежно лаская её сочные губы, потому что это сейчас не про секс и что-то плотское, а просто щемит внутри от нежности к ней, от чего-то такого тёплого и сладкого, что не знаешь, как выразить по-другому.

– Вот по этой улыбке я скучал, – шепчу, заключив её лицо в ладони.

– И я скучала, – отзывается она так же шёпотом и, тяжело сглотнув, прижимается губами к моей руке. – Я так по тебе скучала, Серёжа...

Не знаю, как ей это удастся, но меня пробирает. Прошибает так, что в горле образуется острый ком. Я никогда не был чутким, Ларка постоянно повторяла, что я – неотесанный чурбан, и была на все сто права. Но Настю я почему-то

чувствовал, улавливал каждый оттенок её эмоций, подобно радиоприёмнику, настроенному на её частоту.

Вот и сейчас за этим тихим «Я так по тебе скучала» слышал столько всего невысказанного, задушенного, пронизанного не столько даже женскими переживаниями, сколько детскими, ибо за ними крылась беззащитная, недолюбленная родителями девочка, которая первому попавшемуся мужику, проявившему к ней тепло и ласку, вручила всю себя в надежде обрести недостающую ей заботу и внимание.

Знаю, что не смогу дать ей это в том виде, в каком она заслуживает, но я готов сделать многое, чтобы она перестала чувствовать себя ненужной и второстепенной. Поэтому, как бы меня не смешила вся эта романтическая хрень, обещаю, зная, что Слостёнка ждёт чего-то подобного:

– Больше не придется, маленькая. Не отпущу тебя больше.

– Так уж и не отпустишь? – дразнит она с понимающей, но все равно довольной усмешкой, потираясь щекой об мою ладонь, словно кошка, отхватившая свою порцию сметаны.

– Даже не надейся. Попала ты, Настька. Я же теперь, как египетский фараон, завещаю, чтоб, если помру, тебя со мной живьем похоронили.

– О, боже! – смеется она. – Приятно, конечно, Сергей Эльдарович, но можно не настолько?

– Со мной, Настюш, либо настолько, либо никак, – подмигнув, ставлю перед фактом, причем ничуть не лукавя, и она это понимает.

– Знаю, – вздыхает тяжело, закинув руки мне на шею и, прижавшись плотнее, просит тихо. – Просто пообещай, что будешь честен со мной. Что бы ни случилось, Серёж... Пожалуйста, не обманывай меня больше.

– Прости, маленькая, – целую ее в кончик носа, стараясь не смотреть в глаза, потому что извиняюсь не только за то, что сделал, но и за то, что еще сделаю. Точнее, уже делаю, обещая быть честным, зная наверняка, что есть вещи, о которых совру, не моргнув глазом.

– Так, ну мы что, едем или нет? – спешу сменить тему.

– Дай мне пару минут, – опомнившись, чмокает она меня в губы и разворачивается, чтобы уйти. Не могу удержаться и отвечаю ей смачный шлепок по заднице. – Серёжа! – взвизгивает она и заливается смехом, даже не пытаясь, казаться возмущенной.

– Я должен был убедиться, что она такая же звонкая, как и раньше.

– Ты такой ребёнок, – качает Настька головой и, послав воздушный поцелуй, убегает в гостевую ванную. Очень вовремя. Буквально через пару минут мне звонит Ларка.

– Да, Лар, – отвечаю на звонок.

– Привет. Ты где? – начинает она стандартный допрос тоном следователя. Втягиваю с шумом воздух. Умеет баба выбесить со старта.

– Дома.

– Так рано?

– Я устал.

– Может, приедешь? Сын соскучился. Отца уже неделю видит набегами, – как и всегда, сразу же переходит она к упрекам и роли посредника, делая вид, что ей на меня плевать, просто дети скучают, хотя ни сын, ни уж тем более, дочь не страдают недостатком моего внимания и им нет абсолютно никакого дела до того, где я ночую.

Пытаюсь вспомнить говорила ли Ларка когда-нибудь от своего лица, не вмешивая детей, родителей, подруг и домашних питомцев, и не могу. Всегда корчит из себя абсолютнейшую индифферентность, словно, если хоть раз побудет искренней, то о ней что-то не то подумают. И ладно бы, если бы дело было в том, что я своими изменами все испортил, так нет же – она такой была всегда. С первого дня.

Помню, впервые подарил ей цветы и какие-то дорожные духи, кое-как выторговав их у одного барыги, так как денег не хватало. Хотел порадовать, да и просто впечатление произвести. В итоге получил сухое «спасибо» и ноль эмоций. И так было во всем. Там, где любая другая хотя бы улыбнулась или обняла, она просто кивала и поджимала губы, словно боялась, что они сами собой расплывутся и сдадут ее с потрохами. Но бог с ними – с эмоциями, ко всему прочему она совершенно не понимала моих шуток, а я по молодости тоже закомплексованным дурачком был и чувства проявлял как-то так... стебая и подкалывая. Вместо «ты мне нравишься» мог выдать какую-нибудь пошлятину типа: «Кудри выются,

кудри выются. Кудри выются у бл*дей, почему они не выются у порядочных людей?». Уверен, будь на Ларкином месте Настька, она бы выдала мне что-то еще более забористое, и мы бы вместе поржали, но у Ларисы с чувством юмора была полнейшая беда, она все воспринимала в штыки и обижалась.

Со временем я, конечно, понял, что у нее комплексов вагон и малая телега, но тогда, пацаном меня это задевало и злило. Долгие годы я удивлялся, как мог жениться на, казалось бы, самой неподходящей мне женщине из всех, но в какой-то момент пришло понимание, что все не так уж плохо. С возрастом многое переосмысливаешь и видишь совершенно иначе. Лара тоже перестала быть для меня сплошным минусом. Я понял, что за женщина рядом со мной, и не то, чтобы смирился, просто увидел, наконец, ее плюсы.

Пусть мы с ней никогда не будем на одной волне: она не будет смеяться над моими шутками, вести со мной разговоры обо всем на свете, разделять мои увлечения, поддерживать во всем и элементарно кончать подо мной, но я точно знаю, что всегда буду благодарен ей за то, что несмотря на все обиды, помогала мне оставаться для детей лучшим на свете отцом, а потому, даже ради свалившейся на меня вдруг любви не стану разводиться, ибо это только в восемнадцать вся жизнь – это любовь, в сорок же приходишь к тому, что любовь – это далеко не вся жизнь.

Такие в общем мысли бродили в моей голове, пока я раз-

говаривал с сыном и женой.

– Ну, как? – крутанулась передо мной Настька, когда я вышел в прихожую.

– Вас случаем, не Анастас зовут, молодой человек? – накинув куртку, оглядываю ее с головы до ног. В моих темно-серых, спортивных штанах и огромной, красной ветровке она похожа на тощего пацана.

– Для вас просто Стас, – кокетливо сообщает, похлопав ресничками.

– Какие предпочтения, – отзываюсь насмешливо и, подхватив пакет с ее промокшими вещами, открываю дверь.

Весь путь до машины мы играем в игру «соблазнение гетеросексуала сладким мальчиком», и надо признать, эта игра не только веселит, но и заводит. Вспоминаю Настькину тугую задницу, представляю, как буду ее растягивать, а потом трахать, и член моментально каменеет. На мне еще такие штаны, что ни хрена не скрывают, поэтому, когда садимся в машину, Настя сразу же замечает красноречивый бугор.

– А говорили только по девочкам, – дразнит, весело поблескивая глазками. Покинув квартиру, она, будто начинает свободней дышать и заметно расслабляется.

– Ну, я и так по ним, смотри, вон какая ядрёная, – выкручиваюсь, кивнув на билборд с девицей в коротких шортах, рекламирующей какую-то автомойку.

– Ах, ты – скотина! – возмущенно толкает меня Настька в плечо и, притворно насупившись, отворачивается, вызывая

у меня смех.

– Ну, Настюш, я же шучу.

– А-а, то есть у тебя и на мужиков стоит?

– На тебя у меня стоит, Паскуда. Будь ты хоть мужиком, хоть бабой, хоть лягушкой- квакушкой.

– Звучит прямо, как признание в любви.

– Считай, это оно и есть.

– Ужас, – резюмирует Настька, но выглядит до невозможности довольной. – Куда поедем?

– Кушать хочешь? – спрашиваю, заводя машину.

– Хочу. Сегодня вообще не ела.

– Ну, значит в ресторан, а дальше – посмотрим.

– В смысле в ресторан? А если нас кто-нибудь увидит? – уставившись на меня во все глаза, замирает она с ремнем безопасности в руке.

– В таком прикиде тебя даже мама родная не узнает. Но если серьезно, я же не дурак, Настюш. Не волнуйся, есть одно место, где никто нас не увидит.

– Нет, Серёж, мне будет беспокойно, и я не смогу нормально поесть. Может, мы просто купим чего-нибудь на вынос и поедем куда-нибудь?

Хочу возразить, но глядя на ее застывшую в напряжении фигуру, понимаю, что лучше пока согласиться на такой вариант.

– Хорошо, куда хочешь? У меня есть домик в горах, до него два часа пути, есть еще одна квартира...

– Мамина которая? – уточняет она, в момент воодушевившись.

– Да, – соглашаюсь, как ни в чем не бывало, хотя на самом деле собирался предложить квартиру, предназначенную, как раз, для подобных встреч. Но сейчас понимаю, что вовремя сориентировался. Было бы тупостью привести Настьку туда, где я трахаю своих бл*дей. Это для меня квартира – не более, чем сто десять квадратов без особых смыслов. А Настька бы, поняв все, наверняка накрутила такое, что хрен раскрутишь.

– Отлично, мне там очень понравилось, – отзывается она с довольной улыбкой и, скинув кроссовки, забирается на сидение с ногами.

– Ну, тогда поехали, – резюмирую, выезжая со двора.

– Пристегнись, пожалуйста, Серёж, – просит строго.

– Насть... – пытаюсь отвертеться, но моя Сластёнка упрямо стоит на своем. Приходится быть послушным.

– Умничка мой, – мурчит она и, погладив меня по щеке, берет за руку.

По дороге мы болтаем обо всякой ерунде. Заезжаем в ресторан и магазин, набираем кучу всякой еды, дурачимся, как малолетки. У меня ощущение, будто мне снова восемнадцать. Когда паркуюсь возле дома, в котором вырос, это ощущение только усиливается.

– Готовься, Сергей Эльдарович, тебя ждет ночь вопросов. У меня их накопилось очень много, пока я смотрела фотоальбом, – предупреждает Настька, подхватив парочку лег-

ких пакетов.

– Ночь вопросов? – вручив ей ключи от квартиры и машины, замираю с остальными покупками в руках и, покачав головой, делаю вид, что ставлю их обратно в багажник. – Нет, Анастасия Андреевна, мы так не договаривались. Я рассчитывал, наконец, закрыть гештальт и трахнуть девчонку, пока мамы нет дома, а ты мне тут – ночь вопросов.

– Ах, вот как! – возмущенно хохотнув, краснеет она и тут же недоверчиво уточняет. – Хочешь сказать, никогда не водил подружек домой?

– Ну, почему же... Один раз привел, а эта падла стащила у матери кольцо. Целый месяц потом вылавливал её. Ещё столько же выискивал кольцо по ломбардам и с тех пор зарекся. Так что ты – исключение из правил. Цени, пока не передумал, – подмигнув, подколот я ее, на что она расплылась в такой улыбочке, что я сразу понял, сейчас Настюша меня умоет.

– К сожалению, Сергей Эльдарович, так вышло, что я – исключение, подтверждающее правило, – открыв передо мной дверь в подъезд, покаялась она.

– Что, тоже что-то прихватила? – бросаю в шутку, и каково же мое удивление, когда она, смущенно улыбнувшись, разводит руками.

– Представь себе.

– Дела-а, – тяну насмешливо, заходя в квартиру. – Кто еще из нас маргинальный элемент после этого.

– Ой, да ладно! Всего лишь фотография.

– Да-да. Сегодня фотография, а завтра – Сонька Золотая Ручка.

– Ты, как моя мама, – закатывает Настька глаза и, словно по заказу у нее начинает звонить телефон. – О, это, кстати, она. Можешь включить телевизор или какую-нибудь музыку, я им сказала, что иду на день рождение.

У меня вырывается смешок. Господи, когда я последний раз слышал такие просьбы?

Кивнув, бросаю пакеты в прихожей и, пройдя в зал, включаю какой-то музыкальный канал. Настька шлет мне воздушный поцелуй и отвечает на звонок. Я не особо вслушиваюсь в разговор, пока она вдруг не заявляет:

– Я поеду к Илье. Да, я помню, что вы ждете в субботу, передам ему. Он будет только рад познакомиться. Угу... Давай.

– И что это значит? – не видя смысла ходить вокруг да около, спрашиваю в лоб, сверля ее требовательным взглядом.

– Что именно? – вскидывает она вызывающе бровь.

– Что за знакомства у вас там намечаются?

– Обыкновенное знакомство: моих родителей с моим парнем, – произносит она с невозмутимым видом, хотя подрагивающие губы выдают волнение с головой.

– С твоим парнем, значит? – уточняю вкрадчиво, усаживаясь в кресло напротив.

– Да, с моим парнем, Серёжа, ты все правильно понял, –

чеканит она, скрестив руки на груди в защитном жесте.

– Это ты так прикалываешься, Настюш, или это очередные твои вы*боны?

Глава 2

«...оказывается, поражение много сладостней, чем битва.»

К. Макколоу «Поющие в терновнике»

– Вы*боны? – вырывается у меня возмущенный смешок.

Скручивающее диафрагму волнение и страх моментально трансформируются в злость. Она обжигает меня изнутри подобно едкой кислоте. Смотрю на Долгова и трясоти начинается от бешенства.

Я просто охреневаю с его наглости и абсолютнейшей уверенности в своем праве требовать у меня каких-то объяснений, когда сам час назад заявил, что разводиться не собирается.

Нет, я, конечно, не ждала, что он моментально все бросит, но...

Господи! Да, кому я вру?! Нет никаких "но".

Ждала я и жду! Понимаю, что глупо, наивно, совершенно нереально, но не могу унять свое жадное, ревнивое сердце, требующее любимого мужчину безраздельно и полностью.

У меня душа горит, стоит представить, что утром он вернется в свою устроенную жизнь, а я останусь где-то на обочине этой самой жизни. Без прав. Без обязательств. Без какой-либо надежды на будущее. Терзаемая страхами, подо-

зрениями и сомнениями.

Я не смогу так. Не смогу его ни с кем делить. Мне уже физически больно от одной мысли, что у какой-то женщины есть все права на моего мужчину.

Да, именно так – МОЕГО! Пусть самонадеянно, эгоистично, глупо, нагло... Пусть! Я устала бороться с собой и своим сумасшедшим, истосковавшимся, никому не нужным сердцем.

Сердцем – тираном, сердцем – собственником, впервые почувствовавшим что-то своё, и готовым это «своё» выгрызть зубами, превратиться в чёртова Голлума, укравшего у всего мира свою «Прелесть», и потерявшего в ней самого себя.

Я уже теряю, переступая через дружбу, порядочность и гордость. Меня ломает, бросает из стороны в сторону. С одной: я не хочу предавать единственную подругу, не хочу быть той, кто разрушит её семью, так же, как не хочу использовать парня, который в меня влюблен. Я до ужаса боюсь последствий, когда правда вскроется. Но с другой – есть просто он – мой мужчина, без которого мне пусто в огромном, бескрайнем мире среди семи миллиардов людей. Задыхаюсь я без него, с ума схожу, на стены лезу.

Когда я шла к нему сегодня, мне казалось, что я смогу быть с ним на любых условиях, лишь бы только быть, становиться ненадолго частью него самого. Я правда думала, что мне хватит этого модного «без обязательств». Я ведь при-

выкла довольствоваться тем, что есть и думала, что с ним тоже смогу. Но увы. Не могу. Мало мне. Отчаянно мало.

Внутри меня, под ребрами, уродливой кляксой расплзается бездонная, ненасытная потребность быть единственной.

И я знаю, что с каждой встречей она будет отвоевывать все больше пространства: орган за органом, принцип за принципом, опуская меня на самое дно, лишая рассудка. Превращая меня в гнойную язву, в нарыв, отравляющий все вокруг.

Я уже отравляю и мне страшно. У меня такой сумбур внутри, что я готова «прикалываться», «вы*бываться», манипулировать, истерить — да пусть называет, как хочет, лишь бы он хоть на чуть — чуть, на самую малость прочувствовал, как невыносимо больно мне любить его, и слышать, как само собой разумеющееся, «Не разведусь». Пусть поймет, попробует на вкус, каково это делить того, кто должен быть только твоим...

Поэтому вместо того, чтобы поддаться эмоциям и послать Сереженьку с его наездами, куда подальше, невероятным усилием воли подавляю клокочущую в каждой клетке ярость и, закинув ногу на ногу, сажусь напротив, любезно поясняя в той же форме, в какой он просвещал меня на кухне той, кошмарной ночью:

— Нет, Серёжа, это называется «закономерность»: когда хочешь усидеть на двух стульях, будь готов к тому, что кто-то займет пустующие половинки.

У него взлетает бровь, а на губах расплывается кривая

усмешка.

– Да ты что? – тянет он издевательски и, помедлив, жестко добавляет. – А ты, случаем, не ох*ела ли?

От тона его голоса и похолодевшего взгляда у меня внутри все обмирает, но я стараюсь не подавать виду.

– Ровно настолько же, насколько и ты. Так что играть музыкалами и рычать альфачом несколько неуместно, тебе не кажется?

– Рычать альфачом? – вырывается у него смешок, а потом он и вовсе начинает ржать, отчего мои щеки обжигает смущением.

– Ну, а как это назвать? – деланно пожимаю плечами.

– Ну, уж точно не так, – отрезает он, в миг посерьезнев. – Ты, кажется, не догоняешь, Насть. Дело не в ревности и всякой собственнической херне. Если ты собиралась сыграть на этом, то спешу тебя разочаровать – я на это не поведусь. Я не собираюсь прогибаться ради твоих вы*бонов. И не потому что я альфач или как ты там это зовешь. А потому что я не твой цепной пес, которого ты будешь дергать за ошейник всякий раз, когда тебе что-то не по душе! Не готова мириться с ситуацией? Дверь там, – кивает он в сторону прихожей, отчего к горлу подступает колючий ком, а глаза начинает предательски щипать.

– Вот так просто, да? – усмехаюсь сквозь слезы.

– Нет, не просто, но танцевать на моих нервах ты не будешь! Моя жена и твой додик – это не одно и то же! – чеканит

он, повышая голос. А у меня окончательно срывает планки.

– А в чем разница? Тебе с ней удобно, мне – с ним.

– Дуру не включай! – рывкает он, белея от гнева, но мне уже все равно. Слишком больно.

– О, не волнуйся, не буду! Просто иди в жопу со своей женой и условиями! – выплевываю зло и подскочив, спешу на выход. Однако не успеваю сделать и нескольких шагов, как Долгов резко хватает меня за капюшон толстовки, и со всей дури дергает на себя, отчего ткань врезается в горло, вызывая удушье. Закашливаюсь, теряясь на мгновение. Он же разворачивает меня вокруг своей оси, и чуть ли не пинком толкает обратно на диван. Охренев от такого обращения, моментально, словно ужаленная, подсакиваю.

– Ну-ка, села на место! – рычит Долгов, нависнув надо мной, давя своей физической мощью и бешеным взглядом. Сердце проваливается куда-то в живот, и меня начинает трясти, мне по-настоящему страшно и обидно, но в то же время в крови кипит адреналин. Меня захлестывает фонтаном диких эмоций, поэтому, уже ни черта не соображая, дрожащим голосом цежу:

– С дороги уйди! Собаке с женой будешь команды раздавать!

– Лучше заткнись, не выводи меня!

– А то что? Что ты сделаешь? – бросаю ему в лицо на голом упрямстве, хоть разумом понимаю, что лучше не доводить его до бешенства.

– Еще раз голос повысишь и увидишь. До утра прижала свою жопу и не дергаешься! Потом можешь валить на все четыре стороны. Заеб*ла! – выплевывает он с такой злостью и пренебрежением, что у меня внутри все переворачивается.

– Да пошел ты! – толкаю его в грудь, задыхаясь от слез. Он хватает меня за воротник и, надавив, «усаживает» обратно на диван. Я заваливаюсь назад, и это становится последней каплей. Пинаю его со всей дури в бедро и тут же едва не взываю от боли в ступне.

– Ты совсем идиотка?! – сцепив зубы, цедит Долгов, схватившись за ушибленное место, а после начинает надвигаться. Меня же накрывает паникой от его совершенно дикого взгляда и побледневшего от бешенства лица.

– Не смей меня трогать! – кричу истерично, и бью со всей дури ногами, куда придется, но Долгову хоть бы хны. Он, словно специально позволяет мне раздраконить себя еще больше, даже не закрывается. И когда его ярость достигает апогея, перехватывает мои ноги и с силой дергает на себя, отчего я проезжаю по дивану, точно зная, чем это все закончится.

Можно ли после того, как мужчина ясно дал понять, что ты в его жизни пятое колесо, хотеть его?

Оказывается, можно.

Как ни парадоксально, после всего сказанного, моя потребность в нем, вопреки гордости и здравому смыслу, стала ещё сильнее. Мне нужна была хотя бы иллюзия того, что он

мой. Всего лишь на одну ночь.

Забыться, отогреться, выдохнуть.

Утром я обязательно найду в себе силы быть гордой, но сейчас у меня их просто нет.

Знаю, глупо это, жалко и совершенно нелогично, учитывая моё желание уйти. Ещё пару недель назад я бы, как и многие, презирала такую дуру. Но сейчас с горечью признаю довольно банальную истину: человек – это не то, что он думает и считает правильным. Человек – это то, как он реализует свои мысли и «правильное» на деле, когда жизнь, будто смеясь, проверяет его принципы на прочность.

Мои, увы, проверку не прошли. И я это отнюдь не оправдываю. Но себя прошлую, презрительно кривящуюся, если бы встретила, просто послала, ибо все мы умницы только лишь потому, что нам посчастливилось не быть в чьей –то шкуре.

Свою я ненавижу. Так ненавижу, что чуть ли не рыча, продолжаю выплескивать отчаяние и безысходность, нанося лихорадочные удары по причине моей агонии.

Я хочу, чтобы ему тоже было хоть немножечко больно.

Правда, когда вхожу в раж, и неожиданно для самой себя влепляю Долгову хлесткую пощёчину, сердце ухает с огромной высоты, и время, будто останавливается.

С ужасом смотрю на выступившую на нижней губе кровь и красный отпечаток ладони на впалой щеке. Но пугает меня вовсе не исказившееся от гнева лицо и возможные послед-

ствия. Мне страшно от того, что я сама только что стёрла границу, за которой теряется уважение друг к другу, и начинается вседозволенность. К горлу подступает острый ком и хочется плакать.

– Всё? – нависнув надо мной всем своим мощным телом, спрашивает Долгов, не скрывая злости.

– Прости, пожалуйста! – выдыхаю еле слышно и дрожащей рукой тянусь, чтобы стереть капельки крови с его губы. Но он резко дёргает головой вправо, будто ему противны мои прикосновения, и небрежным жестом стирает кровь сам. – Серёжа... – снова хочу извиниться, да и просто вывести на разговор, ибо эта звенящая тишина угнетает, но он не позволяет мне продолжить.

Обхватив моё лицо, сдавливая щеки и прежде, чем я успеваю возмутиться, сминает губы в жёстком поцелуе. Проталкивает язык мне в рот так глубоко, заполняя все пространство, отчего между ног разливается сладкая, горячая волна. Меня бросает в дрожь.

На вкусовых рецепторах оседает сводящее меня с ума солено-мятное Мальборо, запускающее, словно у собаки Павлова, цепочку условных рефлексов, направленных на получение удовольствия, которое может подарить только этот мужчина. Моему телу абсолютно пофиг, что на эмоциональном уровне я полностью раздавлена. Оно хочет и влажно откликается.

Однако я все ещё пытаюсь противостоять этому сумасше-

ствию: упираюсь руками в мощную грудь, придавливающую меня к дивану, словно мраморная плита, дышу рвано в попытке вырваться из жесткого захвата, но Долгов еще сильнее сдавливает мои щеки, и начинает буквально насиловать мой рот, трахать его грубо, безапелляционно, будто наказывая.

Его язык ритмично двигается взад-вперед, проезжаясь вдоль моего, вылизывая изнутри мои щеки.

Рот наполняется слюной. Его, моей. Это так мокро, скользко, что должно быть противно, но я едва сдерживаюсь, чтобы не свести дрожащие коленки от бешено-пульсирующей потребности ощутить этого мужчину глубоко-глубоко в себе.

Я хочу его. Каждым своим вздохом хочу.

Его запах, его вкус, его уверенность, силу... Да всего его со всеми недостатками и закидонами.

Если бы трусы, что надеты на мне, могли рассказать о степени этого желания, они бы наверняка спели оду одержимости голосом Марии Каллас. Вот уж кто-кто, а эта женщина знала о ней всё.

Неужели меня ждёт та же участь? Неужели ради иллюзий я опущусь на самое дно?

– Серёжа, прошу тебя, – всхлипываю, когда, оторвавшись на миг, он располагается между моих ног, упираясь эрекцией прямо туда, где все для него готово и жадно просит.

– Прекращай вы*бываться, Насть, – скривившись, выдыхает он и, лениво проведя языком по моим губам, уже мяг-

ким шёпотом добавляет. – Я же знаю, что хочешь.

Качаю головой, глотая подступивший ком горечи, а сама сдаюсь. Сдаюсь его, скользнувшим под толстовку, опытным рукам, неспешно очерчивающим мои ребра, под которыми что-то безвозвратно угасает и шепчет в предсмертной агонии:

– Не хочу, Серёжа. Не хочу тебя чужого.

Он замирает. Втягивает с шумом воздух. И, немного отстранившись, заглядывает мне в лицо, я же заканчиваю еле слышно:

– Хочу моего. Только моего.

Несколько секунд мы смотрим друг другу в глаза, и я чувствую, как в синем океане тает лед. Вздохнув тяжело, Сережа заключает мое лицо в ладони. И легонечко касается моих губ своими.

– Знаю, маленькая, – отзывается с ласковой хрипотцой, превращаясь из жесткого мужика-доминанта в моего любимого мужчину. По коже от его слов бегут колкие мурашки, внутри же горько – сладко сжимается, когда он продолжает. – Знаю, что тебе тяжело. Прости, что давлю и веду себя, как скотина. Просто по-другому не умею, Настюш. Не научился за сорок лет, да и надобности не было. Хреновое, конечно, оправдание. Я бы пообещал, что исправлюсь, будь мне лет восемнадцать. Но в сорокет – это из разряда сказок, малышка. А я, если и могу быть сказочным персом, то только в качестве какой-нибудь тварюги, которую по – хорошему надо

слать на х*й. Но мы же с тобой уже это проходили, да?

Он замолкает и начинает медленно покрывать мое лицо короткими поцелуями, а я задыхаюсь от подступивших слез. Его нежность рвет меня на ошметки, плавит, растворяет в себе, словно сахар в горячем, терпком экспрессо.

– Шш. Не плачь, моя девочка, – собирает он губами соль с моих щек, спускаясь все ниже и ниже, продолжая сводить с ума ласковым шепотом. – Всё будет... Только дай время.

– Не хочу тебя ни с кем делить, – нахожу где-то силы озвучить свои страхи, едва сдерживая стон, прогибаясь под ним, когда он проводит языком вниз по шее, потираясь об мою промежность членом.

– Ты ни с кем не будешь меня делить, – заверяет жарким шепотом. И мне так хочется верить ему. Так хочется...

– Пообещай, – прошу, отвечая на его голодный поцелуй.

– Обещаю, – выдыхает он в губы и окончательно ломает мое сопротивление. – Мне нужна только ты, Настюш.

Если для того, чтобы отбросить все сомнения и существовала какая-то волшебная фраза, то это была именно она.

Обхватив ногами крепкие бедра, заключаю колючие щеки в ладони. Впиваюсь в жадный Долговский рот и всасываю его разбитую губу. На языке разливается соленый вкус его крови, и я просто дурею.

Это так вкусно. Так остро. Дико.

Чуть ли не мурчу от удовольствия и приподнимаю бедра навстречу коротким толчкам. От соприкосновения с напря-

жённым членом, у меня между ног сладко сжимается и пульсирует.

Я теку от одной мысли, что этот взрослый, крутой мужик, у которого была куча разных баб, хочет именно меня; что я – та самая. Меня это заводит до дрожи.

Втягиваю судорожно воздух, когда он перехватывает инициативу: зарывается пальцами в мои волосы и сжимает в кулаке, заставляя запрокинуть голову назад.

В затылке разливается остро-сладкая боль, а по коже, словно бусинки с порванной нитки, рассыпаются мурашки, которые Серёжа медленно собирает кончиком языка.

Меня трясёт, впиваюсь своими лавандовыми «стилетами» в широкие, мускулистые плечи, и с нажимом провожу, собирая ткань футболки в такт движению языка, скользящего вверх к линии челюсти, которую в следующее мгновение Долгов жестко прикусывает, стоит только надавить ногтями сильнее, оставляя свой след, по – животному метя свою территорию.

Знаю, это так по – сучьи, но мне сейчас совершенно наплевать, что мои художества увидит Лариса. Пусть видит и знает. Пусть скандалит, подаёт на развод, а главное – не спит с моим мужчиной.

– Маленькая собственница, – все поняв, усмехается Серёжа.

– Не нравится? Жена не должна увидеть? – бросаю с вызовом, глядя в насмешливые глаза и дразняще, со вкусом об-

лизываю свои губы.

Они у меня «рабочие», как любят говорить мужики, поэтому я знаю, что в эту минуту не выгляжу глупо или смешно, давая из себя секс. Хотя мне ужасно неловко. Но голод, сменяющий насмешку, в горячем взгляде придаёт уверенности, как и хриловатое предупреждение:

– Доиграешься.

– По-моему, я уже давно проиграла, – парирую, провокационно скользя ноготком указательного пальца по его щетине. И преодолевая стеснительность, и боль в затылке, тянусь к шее. Провожу носом, втягивая терпкий, мужской запах, а после всасываю горьковатую кожу, оставляя на ней небольшой кровоподтек. – Ты мой, – выдыхаю ему на ухо, изо всех сил стараясь не покраснеть от смущения. – Так и передай жене, если потребует объяснений.

У Долгова вырывается смешок.

– Стерва ты, Настюш, – покачив головой, стягивает он еще сильнее мои волосы, заставляя снова лечь на диван.

– Ну, тебе же нравится, – шепчу с дразнящей улыбкой, и раздвинув ноги шире, сама подаюсь навстречу его члену. Долгов ухмыляется и, прикусив мою губу, целует.

Сплетаемся языками и просто слетаем с катушек: ласкаемся лихорадочно, дико, задыхаясь от желания. Сережа вжимает меня в диван всем своим весом, отчего голова идет кругом, а перед глазами пляшут разноцветные точки, но сейчас я готова умереть под моим мужчиной, лишь бы только он

продолжал.

Я пытаюсь быть с ним на равных, толкаюсь языком ему навстречу, посасываю губы, но не выдерживаю напора и просто позволяю оттрахать мой рот. Что Долгов и делает, вызывая его с таким наслаждением и вкусом, что у меня трусы становятся насквозь мокрыми. Сосу его язык, как ненормальная, выгибаюсь навстречу, постанывая от каждого движения, и едва не срываюсь на скулеж. Меня ломает, тело горит огнем.

Я так хочу этого мужика, что забываю про всякое смущение и страх. Мне уже даже плевать на боль, кровь и прочие страшилки для девственниц, просто пусть трахнет.

Словно услышав мои обезумевшие мысли, Серёжа отрывается от меня. Смотрит на мои зацелованные губы диким взглядом и кажется, еще больше дуреет.

– Рот открой, – надавив на мою нижнюю губу большим пальцем, требует он. И когда я послушно открываю, окунает в него палец, скользя по языку шершавой подушечкой, собирая слюну, а после грубо размазывает ее по моим губам, вызывая у меня дрожь. – Оближи, – заменяет он большой палец на указательный и средний.

Старательно провожу языком между ними, обильно смачивая, и не отрываясь, смотрю в горящие похотью глаза.

Она такая вкусная эта похоть, такая пьянящая, что я окончательно теряю разум.

Обхватываю губами его пальцы и, забыв про всякий стыд,

начинаю не просто дразнить, а жадно посасывать, не скрывая, что получаю от этого удовольствие.

– Нравится сосать, Настюш? – спрашивает он, проталкивая пальцы глубже, нажимая на корень языка. Я давлюсь и на панике перехватываю его руку, чтобы удержать. Слезы обжигают глаза, а между ног разливается горячая волна.

Будто зная об этом, Серёжа довольно ухмыляется, вытаскивает пальцы из моего рта, и впившись в него жалящим поцелуем, ныряет рукой под резинку моих штанов и трусов. У меня вырывается стон, когда он проводит влажными от слюны пальцами по набухшему, пульсирующему в ожидании его прикосновений, клитору.

– Какая мокренькая... Так сильно хочешь, да? – размазывая смазку по складкам, приговаривает он, лаская меня круговыми движениями.

– Хочу, – признаюсь с тихим стоном, когда он проникает в меня.

– И что моя сладкая девочка хочет? – мазнув языком по моим губам, начинает он дразнить. Но я уже настолько возбуждена, что для меня это нестерпимая мука, поэтому обезумевшим от желания шепотом рублю правду, бесстыже насаживаясь на осторожнодвигающиеся во мне пальцы:

– Тебя хочу, Долгов. Твой член... Чтобы оттрахал, вы*бал.

От собственной пошлости между ног горячей патокой растекается остро – сладкое возбуждение. Оказывается, это

так одуряюще вкусно признаваться своему мужчине в грязных желаниях. Обнажаться перед ним абсолютно, до самых потаенных глубин.

Однако, я тут же жалею об этом, когда Сережа на мгновение замирает. Видимо, охренев от таких заявочек.

Мне становится страшно и не по себе. Я боюсь, что он снова, как летом, грубо отреагирует на мою откровенность и заставит стыдиться саму себя: своих глупых, доверчивых порывов.

Господи, и зачем я только ляпнула эту похабщину?! Что за дура такая необучаемая?! Знаю ведь, что нельзя быть настолько открытой, нельзя выбиваться из привычного образа. Хорошие девочки так не говорят.

Правда, где теперь я, а где хорошие девочки?

Уж точно не с раздвинутыми ногами под женатыми мужиками старше их вдвое.

Сглатываю тяжело, и прикусив губу, все же хочу дать заднюю, перевести все в шутку, но встретившись с плотоядным, голодным взглядом, понимаю, что Долгову нравится. Нравится, как я отзываюсь на его прикосновения, как влажно и горячо пульсирует у меня между ног. Нравится, что я такая...

– Бесстыжая девчонка, – с усмешкой тянет он, – наказать бы твой грязный ротик за такие словечки.

Я краснею и судорожно втягиваю воздух, когда его пальцы выскальзывают из меня и начинают медленно поглаживать

клитор. Ласкать так умело и нежно, что хочется стонать в голос от прошивающего насквозь удовольствия.

– Накажи, – не произнося ни звука, прошу одними губами, прикрывая глаза от накатившей, жаркой волны наслаждения и пекущего щеки стыда.

Да, мне до ужаса стыдно, но я настолько возбуждена, что не могу сдерживаться. Особенно, когда он так жадно смотрит, считывая кайф с моего лица.

– Классно тебе, Настюш? – шепчет хрипло, ускоряя темп, присоединяя еще два пальца, растягивая меня так, что становится даже больно. Но эта боль приятная, вызывающая еще больше удовольствия.

– Да, – выгибаюсь со стоном, сгорая от нетерпения. Мне мало его пальцев, хочу его всего. Я уже не просто готова, я отчаянно теку на широкую ладонь. Между ног так хлупает от каждого проникновения, что я не выдерживаю и срываюсь на мольбу. – Пожалуйста, Серёж...

– Шш, сейчас, маленькая, – обжигая губы горячим дыханием, обещает Долгов, замедляя темп, растирая мою влагу по кругу. Он, будто загипнотизированный смотрит, как я задыхаюсь от нарастающего наслаждения, и медленно проводит по своим губам языком, в предвкушении облизываясь на меня оголодавшей зверюгой. Это так сексуально, что у меня пальцы поджимаются на ногах, а низ живота тянет до слез от нестерпимой потребности в нем.

Словно почувствовав, что моя агония достигла апогея, Се-

рёжа прекращает свои дразнящие ласки. Последний раз мазнув по клитору, вызывая сноп обжигающих искр у меня под кожей, вытаскивает руку и целует меня.

Так сладко, так чувственно целует. До головокружения.

Я даже не замечаю, как он поднимает меня с дивана, как, не разрывая поцелуя, ведёт в спальню, пока в ноги не упирается царга широкой кровати. Потеряв равновесие, но изловчившись не упасть, усаживаюсь на стеганное покрывало сливочного цвета, но не успеваю даже сориентироваться, как Серёжа снимает с меня толстовку.

После тёплого флиса воздух в комнате кажется прохладным, кожа покрывается мурашками, а соски твердеют. Но обхватить себя за плечи и прикрыться мне хочется вовсе не из-за температуры.

Почему – то вдруг накатывает стеснение и неуверенность. Я никогда не загонялась на тему размера груди, но сейчас, вспомнив ту модельку с её буферами, и что у Ларисы, несмотря на удобу, тоже грудь большая, хочется спрятать свою скромную «двойку». Но Серёжа не позволяет идиотским мыслям завладеть мной. Коснувшись моего подбородка, заставляет поднять на себя взгляд. И погладив меня по щеке, шепчет охрипшим голосом:

– Ты нереально красивая, Сластён.

Его ласкающий «хочу тебя» взгляд вкупе с этими словами наполняют меня восторгом и в то же время смущением. Кровь приливает к щекам, и я забываю о холоде. А когда он

снимает с себя футболку, и вовсе становится жарко.

Вот кто, действительно, красив: широченные плечи, сильные, накаченные руки со вздувшимися на предплечьях венами, мощные грудные мышцы, никакой кошмарной, густой поросли и, наконец, чётко-очерченные кубики пресса, манящие провести по ним языком.

Не видя причин, отказывать себе, смотрю Долгову в глаза и, преодолевая робость, провожу ладонями по его торсу, а после начинаю медленно покрывать поцелуями, спускаясь все ниже и ниже, пока не дохожу до резинки штанов.

Прикусив губу в нерешительности, снова поднимаю взгляд. Кажется, я исчерпала весь запас своей смелости, чтобы проявлять теперь инициативу. Да и воспоминания о той позорной попытке сделать минет все ещё живы.

К счастью, Сережа, как обычно, понимает мои страхи без слов. Развязывает завязки и приспускает штаны вместе с трусами ровно настолько, чтобы высвободить член.

Я перестаю дышать, будто перед прыжком в воду. На мгновение даже становится страшно. Хочется, как маленькой девочке зажмуриться, но все же любопытство пересиливает.

Какой он у него? Кроме Ильи и порно-актеров сравнить мне не с кем.

Впрочем, даже без сравнительного анализа становится понятно, он у Долгова большой: длинный, с крупной, темно-розовой головкой, перевитый тугими венами и такой тол-

стый в диаметре, что маминны подружки наверняка продали бы за него душу, ибо все единодушно утверждали, что в размере члена важна не длина, а толщина. Ну, конечно, при условии, что этот член не меньше пятнадцати сантиметров.

У Серёженьки явно больше, и я совершенно не представляю, как вся эта "красота" поместиться во мне. Пожалуй, самое время начинать настраивать себя на море крови и дикую боль. Однако вместо страха, я совершенно иррационально возбуждаюсь ещё больше. Чувствую терпкий, какой-то совершенно специфичный, но, тем не менее, приятный запах, и рот наполняется слюной.

Наверное, я какая-то неправильная девственница, но я хочу взять его член в рот: облизать от головки до основания и сосать, пока не кончит, а после проглотить все до последней капли. Будь я опытной или хотя бы посмелее, так и сделала бы, но я ни то и ни другое.

Всё, на что меня хватает – это протянуть руку и обхватить дрожащими от волнения пальцами твёрдый, словно камень, ствол.

Он такой горячий, гладкий и в тоже время нежный наощупь. Провожу ладонью вниз и слышу, как Долгов втягивает сквозь стиснутые зубы воздух, а меня, будто двести двадцать прошибает от понимания, что ему нравится.

Слегка приободрённая такой реакцией, устраиваюсь удобнее: развожу ноги шире, подаюсь вперёд, прогибаюсь в спине, чтобы вид сверху был как можно более сексуальный, и

начинаю несмело дрончить Долгову, стесняясь поднять глаза.

Одно дело заниматься таким в крошечной темноте палатки, отгородившись от происходящего своими мыслями, а другое – вот так, хоть и при мягком, ночном, но все же освещении, и не абы кому, а любимому мужчине, от которого все внутри обмирает и у которого опыта столько, что я даже боюсь представить, что он думает о моих неумелых попытках приласкать его.

Судя по тому, как через пару минут он обхватывает мою руку своей и, заставив крепче сжать член, начинает направлять меня, вряд ли он оценивает мои навыки высоко.

– На меня смотри, – прежде, чем успеваю накрутить себя, сгребает он пятерней мои волосы на затылке и заставляет запрокинуть голову.

Встречаемся взглядами, и меня затягивает в его потемневшие от похоти глаза. Во рту мгновенно пересыхает, а низ живота сводит горячей, сладкой судорогой. Я смотрю на Долгова, и мысли путаются. Он сводит меня с ума, когда так загнанно дышит и загоняет короткими толчками член в мой кулак.

Мелькающая, блестящая головка дразнит.

Сглатываю тяжело. Снова сглатываю. Если бы сейчас он притянул мою голову к своему паху, вставил член мне в рот и оттрахал до саднящего горла, я была бы счастлива. Но он только жадно наблюдает за мной из-под полуопущенных ресниц, прикусывая нижнюю губу от кайфа.

Сама не замечаю, как ускоряю темп, и осмелев, второй рукой спускаюсь ниже, сжимаю мошонку, оттягиваю слегка вниз и начинаю ласкать, сжимая то сильнее, то нежнее.

В ответ получаю приглушенный стон, от которого меня прошивает насквозь. Не сиди я, у меня наверняка подкосились бы ноги. Оказывается, когда твой мужик стонет с тобой от удовольствия – это запредельно вкусно, нереально красиво, и ошеломительно настолько, что, лично у меня, окончательно отключается разум, и остаются голые инстинкты. Наплевав на все, подаюсь вперёд и накрываю ртом головку члена.

И да, снова стон. Тягучий, хриплый, проникающий сладкой вибраций под кожу. От которого бегут мурашки, а между ног становится невыносимо скользко и горячо.

Провожу языком до основания и снова вбираю член в рот, но не успеваю даже распробовать вкус, как Серёжа, сжав мои волосы в кулаке до тянущей боли, делает пару аккуратных толчков и, со страдальческим стоном выругнувшись в своей нецензурной манере, отталкивает меня, отчего я заваливаюсь на кровать. Но прежде, чем успеваю возмутиться и вообще хоть как-то отреагировать, Долгов буквально сдирает с меня штаны с трусами.

Несмотря на то, что я заведена до предела, меня все равно обжигает смущением. Машинально свожу колени, но Серёжа тут же пресекает мой стыдливый порыв. Раздвигает мои ноги и, опустив между ними голову, проводит языком по мокрым,

набухшим от возбуждения складочкам.

Он не ласкает. Он, словно зверь, по-животному готовит свою самку к совокуплению. Но меня это возбуждает ещё больше, я с ума схожу от одной мысли, что он вылизывает меня.

Выгибаюсь от наслаждения и едва не взвизгиваю, почувствовав, как его язык обводит тугое колечко моей задницы.

– Серёжа! – приподнявшись на локтях, смотрю на него во все глаза, на что он весело подмигнув, кусает меня за ягодичу и с довольной ухмылкой отстраняется.

Не найдя подходящих слов, просто наблюдаю, как он снимает штаны с трусами и достаёт из кармана пачку презервативов.

Сама не знаю, с какого перепугу, но меня накрывает очередной идиотской шизой на тему «та самая и единственная». Я вдруг понимаю, что не хочу с резинкой. Не хочу, чтобы он со мной, как со своими шалавами. Хочу хотя бы в сексе хоть каких-то преференций и отличительных знаков. Разумом понимаю, что это просто бред, совершеннейшая дичь и тупость, учитывая, какой он кобель.

Мама бы просто убила меня, узнав, что я не то, что переспала с кем-то, не обезопасив себя, а вообще допустила мысль о незащищённом сексе. С четырнадцати лет она постоянно талдычит мне о том, что мужики – безответственные, нечистоплотные скоты, которых к себе можно подпускать только со справкой об отсутствии ЗППП и презервати-

вами. И я всегда была с ней согласна.

Но сейчас моя нелогичная, отчаянная потребность в абсолютнейшей близости хотя бы на таком примитивном, животном уровне сильнее.

Поэтому, когда Долгов вскрывает серебристую упаковку, пересиливаю себя и, не взирая на стыд, сообщаю:

– Я на таблетках. Так что... можно без них.

– Ты умница, Настюш, что позаботились. Но без резинки я не занимаюсь сексом, – ласково отрезает он.

– Даже с женой? – уточняю ехидно.

– С ней в особенности, – парирует он насмешливо, неторопливо раскатывая латекс по стоящему члену и лениво его надрачивая, глядя на меня.

Это так пошло, бесстыже и раскованно, что я краснею, но не могу оторвать взгляд.

Несколько минут люблюсь моим уверенным в себе, лишенным каких-либо комплексов, мужчиной, а после поднимаюсь и, перехватив его руку, ставлю условие:

– Значит, я буду исключением.

У него недоуменно взлетает бровь.

– И в чем прикол?

– Ни в чем, – пожимаю плечами и приблизившись вплотную, касаюсь губами его губ, шепча. – Просто хочу, чтобы ты в меня кончал, чувствовать тебя хочу...

"И хотя бы в чем-то хочу быть единственной", – заканчиваю про себя. Все мои силы уходят на то, чтобы не опустить

взгляд, не сдаться робости и страху. Я понимаю, что борюсь за абсолютнейшую глупость, но мне принципиально важно отстоять хотя бы её.

И когда Долгов, хмыкнув, снимает презерватив, понимаю, что мне это удалось.

– Ты в курсе, что ты – самая еб*нутая девственница? – интересуется он, властно притягивая меня к себе, грубо обхватив мою задницу, и не дожидаясь ответа, впивается в мой рот. Вталкивает в него язык и начинает вылизывать изнутри.

У меня кружится голова, и притихший пожар разгорается с новой силой. С каждым движением языка, скользящего по шеи, по груди, по животу, с каждым прикосновением и поцелуем, я все сильнее хочу быть оттраханной моим мужчиной.

Втягиваю жадно терпкий запах его кожи, скольжу ладонями по бугристым мышцам, впечатываюсь в его тело своим и не могу остановиться. Надышаться не могу. Мне мало, мне так его мало.

Хочу больше. До сорванного крика хочу, до саднящей боли и дрожащий коленок.

Правда, когда Серёжа укладывает меня обратно на кровать и, расположившись между моих ног, приставляет член, меня накрывает страхом. Мне кажется, что я не смогу принять его в себя и будет дико больно.

Запаниковав, хочу попросить дать пару минут отсрочки, но Серёжа просто закрывает мне рот глубоким поцелуем, и не прекращая ласкать клитор, плавным толчком входит в ме-

ня на всю длину.

Но тут же замирает, втягивает с шумом воздух, словно ему вообще во мне не в кайф.

Я же, задохнувшись от странного, распирающего изнутри ощущения, впиваюсь ногтями в его мускулистые плечи и напряжённо застываю в ожидании запоздалой боли.

– Ты как, маленькая? – заглянув в моё растерянное лицо, обеспокоенно спрашивает Серёжа. – Сильно больно?

– Не-ет, – вспоминая, как дышать и говорить, отзываюсь недоуменно и, прислушавшись к себе, с удивлением признаю, – совсем не больно. Просто... Странно как-то, непонятно.

Серёжа усмехается и, коснувшись моих губ своими, делает ещё один осторожный толчок.

– Так понятней, Настюш? – шепчет хрипло. На его виске напряжённой змейкой пульсирует вена.

– Продолжай, – произношу тихо, одними губами.

Наши взгляды встречаются. Теряюсь в растекающемся по радужке чёрном, как ночь, зрачке и прикусываю губу, когда Долгов начинает двигаться во мне.

С каждым толчком ощущения понятней отнюдь не становятся. Я захлебываюсь ими. Мне не комфортно. Серёжа входит, точнее проталкивается в меня, и от каждого его проникновения дух вышибает. Кажется, будто на куски разорвёт.

Не знаю, то ли он такой большой, то ли я тугая, но я настолько заполнена, растянута им, что хочется вытолкнуть. И

в то же время от одной мысли, что он во мне и ему хорошо, испытываю удовольствие.

Да что там?

Чуть ли не кончаю в своей ненормальной голове, слыша, как он загнанно дышит от кайфа. Мне так нравится тяжесть его мощного тела, его резкий запах, сбитое, горячее дыхание...

Боже, это у всех так или только я такая повернутая на мужике фанатичка?

Впиваюсь лихорадочным поцелуем в его губы, втягиваю язык в свой рот и сосу в такт движения скользящего во мне члена.

Серёжа максимально разводит мои ноги и наращивает темп, но все равно видно, что сдерживается.

– Сильнее, – выдыхаю сдавленно, прикусывая колючий подбородок, и сама начинаю подмахивать. Снова сплетаемся языками, а Долгов, будто срываясь, входит в меня так сильно и глубоко, что я протяжно стону ему в рот. От боли перед глазами темнеет, и в то же время все тело, как кипятком ошпаривает. И так снова, и снова, пока Серёжа до упора накачивает меня собой, высекая где – то внутри сладкие искры.

Всхлипываю, выгибаюсь ему навстречу, шире раздвигая ноги, чтобы ещё глубже, сильнее. Пусть больно, но я хочу распробовать это новое ощущение, эти далёкие вспышки удовольствия. И Долгов, словно чувствуя, что мне надо, вколачивает меня в матрас с каждой секундой все быстрее и

жёстче. Он трахает меня так сильно, что спинка кровати истерично бьётся об стену. И это возбуждает до одури.

Забыв про всякий стыд, начинаю громко стонать. Не от удовольствия, конечно, но от чего-то такого дикого, разрывающего изнутри, что держать в себе не получается. Мне так хорошо, и вместе с тем плохо, что я начинаю лихорадочно о чем-то просить.

Серёжа впивается жадным поцелуем, закрывая мне рот и, ускорившись, делает пару сильных толчков. Замирает и со стоном кончает в меня, уткнувшись мне в шею. Я же, несмотря на то, что у меня неприятно тянет низ живота и саднит промежность, чувствую удовлетворение и счастье.

Касаюсь губами влажного виска, и вдохнув запах моего разгоряченного мужчины, прикрываю глаза. Мне хочется прошептать ему, как сильно я его люблю, но слова колючим комом застревают где-то в горле, и я не могу выдавить ни звука.

Потом... Я скажу ему потом, когда между нами все будет иначе. Если, конечно, будет...

Реальность, оставленная нами вместе с одеждой за пределами кровати, начинает неотвратимо надвигаться. Горчить на языке неопределённостью.

– Ты как, Настюш? – приподнявшись на локтях, заглядывает Серёжа мне в лицо и осторожно выходит из меня. Я же едва сдерживаюсь, чтобы не поморщиться. Более неприятного ощущения быть не могло.

– Всё прекрасно... потрясающе просто, – выдавливаю на автомате улыбку, вспомнив мамины наставления о том, что нужно всегда поддерживать в мужчине мысль, что он с тобой на высоте.

Я, конечно, не особо разделяю такую позицию. Но исходя из рассказов моих подружек об их первом разе, у меня все прошло действительно прекрасно. Так что пусть чуть-чуть и преувеличила, но не сказать, что соврала. Однако Серёжа начинает смеяться.

– Ой, Настька, – качает он головой, перекатываясь на другую половину кровати. – И чего тебе там потрясающего-то было?

Я краснею под его смеющимся взглядом, и натянув на себя покрывало, включаю стерву. Как говорится, лучшая защита – нападение.

– Вообще-то, Сергей Эльдарович, я о вашем мужском эго пекусь: вдруг не переживете новость, что я ни хренушечки прикола не поняла.

Долгов хмыкает.

– Какая вы заботливая, Анастасия Андреевна, – насмешничает он. – Не волнуйтесь, моё мужское эго как-нибудь сдюжит, что вы разок не кончили.

– Ох, ну, прямо камень с души.

– А вот язва с тобой мне точно обеспечена, – притягивает он меня к себе и, навалившись, начинает щекотать.

Я визжу и, заливаясь смехом, пытаюсь вырваться.

Но куда там, из-под такой-то груды мышц?

Мы бесимся, пока нам не начинают долбить по батарее.

– *б вашу мать! Когда же вы утомитесь, сукины дети, всю ночь спать не даёте! – кричит какая-то бабка снизу.

Переглянувшись с Серёжей, мы утыкаемся в подушку и начинаем ржать.

– Сукины дети, – заикаясь, повторяю я, утирая слезы.

– Молчи, иначе бабка Клава начнет мне названивать, – в притворном ужасе шикает на меня Долгов.

Пока принимаем душ, продолжаем смеяться. И это немного скрашивает неловкость, и неприятные ощущения между ног. Там все так щипет и саднит, что я едва сдерживаю слезы, осторожно смывая следы нашей близости.

– Может, давай в аптеку съезжу? – предлагает Серёжа, глядя на то, как я корчусь.

Смутившись, качаю головой, стараясь не смотреть на него. Мне все ещё неловко стоять перед ним полностью обнажённой, не говоря уже о том, чтобы на его глазах заниматься интимной гигиеной.

– Настюш, ты стесняешься что ли? – повязав полотенце на бёдрах, подходит он ко мне.

– Немного, – покраснев ещё сильнее, признаюсь едва слышно. Серёжа с улыбкой качает головой и забирает душевую лейку из моих ослабевших рук. Настраивает напор воды и, осторожно направив его на меня, другой рукой аккуратно касается меня между ног. Поначалу мне страшно от невоз-

возможности контролировать его движения. Я застываю в ожидании боли, готовая в любую секунду перехватить настойчивую руку. Но он моет меня так нежно, так аккуратно, что я постепенно расслабляюсь. А вскоре и вовсе забываю о боли, задыхаясь от нахлынувшего острой волной желания. Серёжа тоже возбуждается, лаская меня. Под полотенцем отчётливо прорисовывается абрис его эрекции.

– Серёжа, – выдыхаю со стоном, когда он заставляет меня поставить ногу на бортик и опускается передо мной на колени.

Смотрю на него сверху и голову теряю. Он же, глядя мне в глаза, начинает вылизывать меня.

– Моя вкусная девочка, – мурчит, словно сытый кот, играя языком с клитором. Всхлипываю от прошивающего насквозь удовольствия. Кусаю губы, чтобы не застонать в голос, но Долгов тут же сводит на нет мои старания. – Покричи для меня. Покажи, как тебе хорошо.

Мне хочется пошутить насчет бабы Клавы, но слишком хорошо, не могу сопротивляться его чувственному шепоту и, несмотря на смущение, начинаю тихонечко постанывать. С каждым движением его языка все громче и протяжней, пока не содрогаюсь в сладких спазмах оргазма.

У меня подкашиваются ноги от разлившейся по телу истомы, но Серёжа не позволяет мне осесть. Удерживает крепко на месте и со вкусом слизывает мой оргазм, а после поднимает лейку и снова продолжает мыть, как ни в чем не бы-

вало.

– Тебе полотенце не жмёт? – подкалываю его, кивнув на внушительный бугор под полотенцем.

– А что, не терпится помочь? – выключив воду, помогает он мне вылезти из душа.

– При всем желании вряд ли чем-то сейчас смогу.

– Ты себя недооцениваешь, Настюш. У тебя еще есть очень горячий ротик и не менее горячая попка, так что при желании сможешь, – подмигнув, снова вгоняет он меня в краску. Но прежде, чем успеваю подыскать остроумный ответ, Сережа коротко целует меня и шепчет. – Прекращай загоняться, Настюш, в сексе никакого стыда и стеснения быть не может. Он сам по себе стыдный, некрасивый, потный. Картинная херь, которую показывают в порнухе и близко не стоит с тем, что нормальные люди без загонов в башке делают друг с другом в постели. Не надо думать, что я что-то не то подумаю, если ты вдруг сделаешь то, что тебе хочется. Единственная моя мысль, когда я трахаю тебя, чтобы тебе было хорошо и ты кончила. Поэтому никаких больше киношных «это было потрясающе», страхов и стесняшек. Твоя главная задача во время секса – от души кайфануть подомной и, если для этого тебе надо превратиться в похотливую сучку, требующую, чтобы её вы*бали. Ради бога – никаких проблем.

Я киваю и все равно стыдливо опускаю взгляд. Мне вновь становится до ужаса неловко за ту пошлость, и я ничего не

могу с собой поделаться, сколько не твержу себе, что Серёжа прав.

Видимо, с нормальностью по меркам Долгова у меня полный аут.

– Ладно, пойдём уже поедим, – к счастью, меняет он тему и, надев халат, выходит из ванной.

Вспомнив, каких вкусняшек мы накупили, у меня начинает урчать в животе. Со всеми этими переживаниями я уже забыла, когда последний раз ела, поэтому, как только, заканчиваю с сервировкой стола, набрасываюсь на еду, как оголодавшая. Серёжа по части аппетита от меня не отстаёт.

Наевшись, мне становиться очень – очень хорошо, сажусь Долгову на колени и, обняв, просто сижу, наслаждаясь его крепкими объятиями, глядя на мигающий за окном фонарь. Чуть позже, попивая вино, мы болтаем обо всякой ерунде, смеёмся, дурачимся и постоянно целуемся, не в силах оторваться друг от друга.

– Кстати, что у тебя за фигня тут нарисована? – скользнув ладонью вниз по животу, спрашивает Сережа.

– Ой, тебе ли о фигне говорить? Ты свое убожество на плече видел?

– Я её по пьяни на спор вообще-то сделал.

– А ты думаешь, я в трезвом уме себе что-то на лобке набила?

– Ну, кто тебя знает? Ты натура творческая, мало ли чего тебе в голову взбредет.

– А у тебя, похоже, головы вовсе не было. Что это вообще такое? Ящерица? – стянув халат с его плеча, рассматриваю выцветшее чудо-юдо.

– Сама ты ящерица, Дунька! Самурай это в доспехах, – возмущается он и похоже, вполне себе искренне. Кажется, мальчику Серёже очень нравилась его нелепая татушка.

Вот умора – то! Но какой же он милый, когда отстаивает свои детские глупости.

– Если это самурай, то я тогда точно «Дунька», – продолжая дразнить его, уж больно мне нравится этот импульсивный и немного ранимый мальчишка.

– Так тебя в телефоне и подпишу.

– Смотри, а то жена решит, что ты на дюрок перекинулся, – это слетает прежде, чем я успеваю подумать. Атмосфера беззаботности и смеха моментально улетучивается.

– Ну, а твоя эта сакура с иероглифами хоть что-то означает или так – для красоты? – пытается Серёжа сделать вид, что все окей. Но я понимаю, что больше отмахиваться от реальности с её проблемами и вопросами не получится, поэтому, соскользнув с его колен, втягиваю с шумом воздух, и отвечаю тихо, зная, что он все поймёт:

– Она означает «Будь верна себе».

Мы встречаемся взглядами, Серёжа недовольно поджимает губы и откидывается на спинку дивана, видимо, настраиваясь на нелегкий разговор.

– Может, все-таки обсудим, как мы будем дальше? – пред-

лагаю я. Долгов тяжело вздыхает и, скрестив руки на груди, соглашается:

– Ну, давай обсудим. Только предупреждаю сразу: никаких психов и истерик! Иначе разговаривать будешь сама с собой.

После таких предупреждений мне, естественно, хочется послать Серёженьку, куда подальше. Но вовремя торможу себя, напоминая, что это ни к чему не приведет.

– Окей. Только это не «психи», Серёжа.

Долгов вполне себе красноречиво хмыкает и, взяв пачку сигарет, подходит к окну напротив стола.

– И что же тогда? – закурив, устремляет на меня насмешливый взгляд сквозь пелену дыма.

То, как он стоит, прислонившись к подоконнику, скрестив ноги в этом немного маловатом ему, махровом халате с леопардовым принтом, выглядит настолько горячо, что я начинаю чувствовать себя нимфоманкой.

Вспоминаю, как он двигался во мне; как стонал от удовольствия, кончая в меня, и хочу ещё. Меня бросает в жар, а между ног вновь становится влажно, но, к счастью, тут же отрезвляюще щипет.

Блин, это вообще нормально, настолько сходить с ума по мужику? Или внутри каждой однажды просыпается одержимая больнушечка?

Делаю глоток вина, чтобы приглушить смешок, и возвращаюсь к нашему разговору.

– Это меры предосторожности, – признаюсь нехотя.

Сережа недоуменно приподнимает бровь. Втягиваю с шумом воздух и поясняю:

– Папа Гриша – человек советской закалки и живёт с оглядкой на то, кто и что о нём подумает. Если мы будем встречаться раз в две недели, то проблем нет. Я смогу придумать, почему не ночевала дома, и это не будет выглядеть, как загулы, бл*дство и так далее. В противном случае нужна причина, которая не будет вызывать у него вопросов и...

– И поэтому использовать влюблённого мальчонку кажется тебе отличной идеей, – сделав затяжку, с ухмылкой бросает он и смотрит таким взглядом, что я чувствую себя какой-то сукой. Щеки, будто хлесткой пощечиной, опалает стыдом.

– Я не собираюсь его использовать. Просто приведу на ужин, покажу раз и... Не надо так на меня смотреть! – взрываюсь, понимая, что мои объяснения не выдерживают никакой критики. Долгов начинает смеяться, чем окончательно выводит из себя. – Нет, а что ты смеешься? Как я, по-твоему, должна каждый раз объяснять Можайскому, что не ночевала дома?

– А почему ты вообще должна ему что-то объяснять? – вводит он меня в ступор. Довольно странный вопрос. Особенно, от мужчины, у которого есть взрослая дочь.

– Может, хотя бы потому, что я живу в его доме?

– Так не живи и не придется выдумывать всякую херь. Те-

бе восемнадцать лет. Вольна уйти и строить свою жизнь так, как тебе хочется, тем более, что материальных проблем у тебя не будет. Дом, машину я тебе куплю, учебу оплачу, счет на твое имя открою, ну, и всякая мелочевка – это само собой, – все это он говорит таким тоном, словно я какая-то недалекая дуручка. Что меня естественно, задевает. Но я проглатываю обиду и, как можно спокойней, произношу:

– Деньги, Сережа, меня волнует в последнюю очередь. Я тебе уже говорила, у меня есть кое-какие накопления. Я работала в тату-салоне плюс папины алименты, так что если бы дело было только в этом, то ушла бы и без твоих щедрых предложений о содержании.

– Настюш, я знаю, что тебе не нужны мои деньги, – снисходительно улыбнувшись, заверяет он. – Ты же понимаешь, что я имею в виду...

– Понимаю, – смутившись, спешу свернуть эту тему.

– Тогда в чем проблема?

– В том, что папа Гриша не позволит мне так просто уйти и жить самостоятельно. Я уже пыталась, и он тогда высказался предельно ясно.

– И что же предельно-ясного этот мудака сказал? – уточняет Сережа вкрадчиво. Он вроде бы стоит все в той же расслабленной позе, но я чувствую исходящие от него волны гнева. Пусть они направлены не на меня, но мне все равно не по себе. Никогда не забуду, с какой жестокостью он избивал ударившего меня мужика. Я тогда отчётливо поняла, что он

вполне способен убить, а может и убивал... Поэтому любая его агрессия пугает меня.

– Настя, – окликает он, отчего я вздрагиваю, все ещё находясь во власти своих жутких размышлений. Он же продолжает. – Если этот старый хрен угрожает тебе чем-то...

– Ничем конкретным он мне не угрожает, просто я знаю, если уйду, двери моей семьи закроются для меня.

– Семьи? – вырывается у Сережи смешок, а я вся внутренне подбираюсь, догадываясь, что он сейчас скажет. – Это, Настюш, той «семьи», из-за которой тебе, как бездомной, приходится перекантовываться в отеле и искать защиту у мимо проходящих мужиков?

– Не надо так, Серёж, – прошу тихо, отводя взгляд. Я знаю, что он прав, и мне очень стыдно за пофигизм родных, но у меня больше никакого нет. – Как бы там ни было, они – моя семья...

– Я тебя умоляю, Насть, не носи эту клишированную муть. Какая это, нахрен, семья?! – скривившись, как от зубной боли, тушит он сигарету. Я же, втянув с шумом воздух, чтобы не сорваться и не наговорить лишнего, прошу:

– Серёжа, пожалуйста, давай ты не будешь в это лезть, иначе мы поругаемся. У меня есть сестра, я к ней очень сильно привязана и хочу участвовать в её жизни. Я и так уже потеряла подругу, выбрав тебя, не ставь меня ещё и перед таким выбором.

– Насть... – собирается он что-то возразить, но встретив-

шись со мной взглядом, лишь поджигает с досадой губы и, тяжело вздохнув, берет свой бокал. Несколько долгих минут он, молча, потягивает вино, глядя, будто сквозь меня, а потом все же устало сообщает. – Выбирать рано или поздно придётся. Решить конфликт полюбовно у нас с твоим папкой Гришкой не получится.

От его слов по коже пробегает озноб, а в груди поселяется тяжесть. Сглатываю тяжело и тихо отзываюсь:

– Пусть лучше поздно. Мне тоже, Серёжа, как и тебе, нужно время.

– Тогда о чем мы здесь говорим?

– О том, что ты не будешь вмешиваться в то, как я решаю вопросы со своей семьей! – произношу твердо, хоть и боюсь в очередной раз нарваться на вспышку гнева, но Серёжу, похоже, веселит мой ответ.

– Ну, решай, Настюш, – с ухмылкой дает он добро, и закинув в рот горсть кешью, добавляет. – Только учти, если мне что-то не понравится, не плачь и не проси за своего додика.

Хочу возмутиться, но тут у Сережи начинает звонить телефон. Смотрю на него с беспокойством. В такой час вряд ли могут быть хорошие новости, и чутье меня не подводит. Сережа, взглянув на дисплей, рывком поднимается с места и уходит в спальню. Через несколько минут раздается его мат.

– Что? Какая еще свадьба? – цедит он на повышенных тонах. От угрозы и бешенства в его голосе у меня внутри все обмирает. На автомате убираю со стола, а сама не могу не

вслушиваться в довольно странный разговор.

– А ты куда смотрел? – орет Долгов.

Естественно, бабка Клава вновь начинает стучать по батарее, но Сереже хоть бы хны, продолжает в том же духе.

– Слушай сюда, если этот олух женится, я лично приеду и оторву башку и ему, и его певичке, и тебе заодно! Вы че там, ох*ели совсем?! У него все четко прописано, пусть два года сидит на жопе ровно, иначе его из Лас Вегаса вперед ногами вывезут. Мне вот щас только с вами возиться не хватало...

Дальше он говорит тише, и не разобрать, но того, что я услышала, хватает, чтобы загрузиться. Пока мою посуду, пытаюсь понять, в чью жизнь можно столь беспардонно вмешиваться, и выводы приходят сумасшедшие. Господи, неужели у Долгова есть сын на стороне?

Эта мысль ошарашивает, хотя удивляться в общем -то нечему, но для меня все равно, как обухом по голове.

Не знаю, сколько я сижу на кухне, переваривая свои домыслы. По полу тянет от приоткрытого окна, и у меня замерзают ноги. Иду в спальню, чтобы взять носки. Серёжа, повернувшись лицом к окну, все еще говорит по телефону, поэтому на цыпочках пробираюсь к своей цели.

– Выйди отсюда! – останавливает меня раздраженный голос.

Замираю и не мигающим взглядом смотрю в искаженное злостью лицо.

– Я.. носки хотела...

– Выйди, сказал! – нетерпеливым взмахом руки снова ука-
зывает Долгов на дверь. А мне так обидно становится. До
слез.

Выскакиваю в коридор.

Первым делом хочется собраться и уйти, показать харак-
тер. Но тут же одергиваю себя.

Куда я, во- первых, ночью пойду? А, во-вторых, чего своей
выходкой добьюсь?

Однозначно, ничего хорошего. Только в очередной раз до-
кажу, что вздорная, малолетняя дура, с которой можно не
считаться и обращаться, как вздумается.

Оно мне надо?

В конце концов на скандалах отношения не построишь.
Да и не время сейчас: у Долгова, судя по всему, какие – то
серьёзные проблемы, раз срывается. С другой стороны – по-
чему я должна думать, что ему тяжело, а он может позволить
себе любые выходки? Не позиция ли это той же Ларисы, об
которую он без зазрения совести вытирает ноги?

Блин, как же сложно...

Всё-таки зря я пропускала мимо ушей мамины лекции.
Может, если бы слушала, было бы проще понять, что пра-
вильно, а что-ошибка?

В итоге, так и не придя ни к чему, иду варить себе кофе.
Несмотря на то, что окно давно закрыто, мне холодно.

Забравшись с ногами на угловой диван, натягиваю тол-
стовку по самые щиколотки и, обхватив обеими руками

кружку с кофе, пытаюсь согреться.

Такой озябшей и задумчивой меня, и застаёт Долгов. Ничего не говоря, он проходит на кухню и, присев на корточки у моих ног, надевает на них те злосчастные носки, а после касается губами моих колен, глядя мне в глаза. Несколько долгих секунд мы смотрим друг на друга.

– Обидел тебя, маленькая? – не столько спрашивает он, сколько извиняется на свой лад.

Качаю головой, а сама сглатываю подступившие слезы. Не знаю, почему я такая нюня. Вроде и обиды уже никакой нет, а все равно не могу сдержаться. Смотрю на него такого уставшего с этой виноватой улыбкой, и внутри что-то сжимается. Особенно, когда он прижимает меня к себе и целует в щеку, шепча:

– Прости, что сорвался, Настюш. Я когда на нервах, лучше мне под горячую руку не лезть. Стараюсь, конечно, контролировать себя, но ты все равно в следующий раз подожди, пока я уgomонюсь.

– Я -то подожду, но ты старайся, а то брошу, – погладив его по щеке, обещаю с улыбкой. Серёжа усмехается. – Что-то серьезное случилось?

– Да так... – тяжело вздохнув, отмахивается он и, поднявшись, делает жадный глоток из моей кружки. Наверное, сейчас не самое лучшее время, чтобы спрашивать про свои догадки, но, если не спрошу, с ума потом сойду.

– У тебя еще есть дети помимо Оли и Дениса?

– С чего вдруг такой вопрос? – удивлённо смотрит на меня Долгов. Я прикусываю губу, не зная, стоит ли говорить, что слышала обрывки его разговора. Не зря же он меня из комнаты выпроваживал.

– Показалось из того, что услышала, – все же решаю сказать и тут же добавляю, заметив, как он нахмурился. – Ты очень громко кричал.

– Понятно, – заключает Сережа и делает очередной глоток кофе. – Нет, Насть, у меня больше нет детей. Но чтобы эта тема больше не поднималась, скажу сразу: был сын. Он умер.

– Как...умер? – ошарашенно выдыхаю, сама даже не понимая, что спрашиваю. Такого поворота событий я уж точно не ожидала.

– Ну, вот так, Насть. Когда трахаешься по "большой любви" без резинки с таким же малолетним дурачком, как ты – когда вы не то, что ребенка содержать, а от мамки с папкой уйти не в состоянии, – потом случаются разные, страшные вещи. Иногда даже маленькие дети умирают. Подумай об этом в следующий раз, когда будешь предлагать мужику кончить в тебя.

После такой отповеди задавать вопросы, хоть их и крутиться в голове тысяча, как-то страшно. Сережа тоже не торопится что-то рассказывать. Понятно, что о таком говорить нелегко, да и, наверное, нет никакого смысла, но меня все равно коробит, что он не посчитал меня достаточно близкой, чтобы поделиться своими переживаниями. А то, что там,

где -то глубоко внутри все еще болит, я почему -то уверена. Пусть внешне это никак не проявляется. Долгов все так же спокойненько попивает мой кофе, устремив задумчивый взгляд в окно, но именно в этой затуманенной синеве я чувствую что-то очень горькое.

– Пойдем спать, – взяв его за руку, предлагаю тихо. Сережа кивает и, обняв меня, ведет в спальню.

Естественно, сна ни в одном глазу. Слишком много впечатлений, мыслей и слишком горячие объятия. Прижавшись сильнее, чувствую, что и Серже совсем «не спится». В итоге мы долго целуемся и ласкаем друг друга, но поскольку у меня по-прежнему саднит между ног, дальше ласк наше «не спится» не заходит.

Утро начинается очень рано и суматошно. Никаких пред рассветных любований любимым, нежностей, приготовления завтрака и прочей романтики – ничего из того, что представляет каждая вторая девчонка в свое первое утро с мужчиной.

У Долгова разрывается то один телефон, то второй, поэтому, когда просыпаюсь, он уже весь в делах. Закутавшись с головой в одеяло, выползаю на кухню и, прислонившись к дверному откосу, с улыбкой наблюдаю, как, зажав между зубами сигарету, он пытается спасти убегающий кофе, попутно слушая кого-то по телефону. Это выглядит комично и вместе с тем очень мило.

– Разбудил тебя, Настюш? – закончив разговор, замечает

он меня.

Качаю сонно головой и, зевая, сажусь на диван.

– Иди поспи, рано ещё, – перелив кофе из турки в стакан, садится Сережа рядом. Перебираюсь к нему на колени и, уткнувшись носом во вкусно пахнущую лосьоном после бритья шею, снова качаю головой.

– С тобой хочу, – шепчу хрипло.

– Мне надо ехать, котёнок, дел очень много. Ты отсыпайся, я часов в семь приеду, сходим куда-нибудь.

– М-м... вместе поедem, а то родители будут орать.

– Тогда давай, быстро пьем кофе и выдвигаемся.

– Угу, – взяв кружку из его рук, делаю обжигающий глоток.

Бодрости мне он отнюдь не добавляет, поэтому практически всю дорогу до «нашей» остановки, клюю носом. Правда, чем ближе мы к концу пути, в груди все сильнее нарастает неопределенность и тревога.

Вопрос «А что дальше?» тяжким грузом ложится мне на сердце, и я не могу ни отмахнуться от него, ни хотя бы сделать вид, что все в порядке. Представляю, как Долгов придет вечером домой: как Лариса будет суетиться вокруг него; как они потом будут спать в одной постели, и меня начинает от злости, и бессилия наизнанку выворачивать. Поэтому, когда останавливаемся на привычном месте, берусь за ручку двери и, чтобы не повести себя, как дура, торопливо выдавливаю:

– Ладно, я пошла, созвонимся.

– Как-то вы, Анастасия Андреевна, некультурно сливаетесь, прямо, как вода в толчке. Что, даже не поцелуешь на прощание? – все поняв, спрашивает Долгов с усмешкой.

– Вообще-то нас здесь могут увидеть, – покраснев, замечаю вполне резонно и открываю дверь, но Серёжа не позволяет выйти.

– Нет, Настюш, так не пойдёт, – вдавив меня в сидение, впивается он в мои губы жадным поцелуем. И я не могу ему сопротивляться, впуская его язык себе в рот.

Все, что мы сдерживали ночью, прорывается. Нас накрывает чем-то диким, необузданным. Целуемся так, словно расстаемся не на пару дней, а на годы. Сама не замечаю, как начинаю постанывать, требуя большего. Серёжа, жалит мою шею голодными поцелуями. Забравшись руками под толстовку, грубо ласкает грудь, сжимая до сладкой боли соски. Однако, когда я ныряю рукой ему в штаны и сжав его твёрдый член, прохожусь по нему вверх – вниз, останавливает меня.

Со страдальческим стоном, вспомнив, где мы, отрываемся друг от друга и, поправив одежду, откидываемся каждый на своем сидении.

– Вот поэтому я и не хотела целоваться, – резюмирую с умным видом.

– Ага, п*зди больше, – со смешком парирует Сережа.

– Не материтесь, Сергей Эльдарович, сами напросились.

– Иди уже, а то трахну тебя на заднем сидении.

– Ох, как страшно, – поддавшись к нему, целую его в щеку и выдыхаю дразняще. – Я прямо вся теку от ужаса.

– Ты- паскуда, Настька, – смеется он.

– Знаю, что ты от меня без ума, – послав ему воздушный поцелуй, выхожу из машины. – Позвони, как освободишься.

Он кивает и я, не оборачиваясь, бегу домой. Не успеваю переступить порог, как тут же попадаю с корабля на бал.

– Настя, собирайся быстро и дуй в колледж! – вместо приветствия огорошивает мама. – Звонил ваш куратор, сказал, что ты будешь не аттестована по физ-ре и биологии, если не сдашь сегодня долги.

– Но я все равно не готова! – открещиваюсь, с ужасом представив, что придется встречаться с Олькой.

– Не выдумывай. Чего там готовится-то? По физ-ре сдашь нормативы, а биологию спишешь у кого-нибудь. Давай, пошевеливайся! Как раз, ко второму уроку успеешь. Водитель уже ждет.

– Но...

– Никаких «но», и так неделю не ходила! – отрезает она. – Иди переодевайся. Что на тебе вообще надето? Где твоя одежда?

Она еще что-то причитает, провожая меня до гардеробной, а я еле дышу от понимания, что через час придется посмотреть Ольке в глаза и...

Я не знаю, что после этого «и». Просто не знаю.

Всю дорогу меня трясёт, как припадочную. От волнения и страха обдумать, какие предпринять шаги, как ни стараюсь, не получается.

Если бы у меня была хоть капля смелости, я бы, наверное, сказала правду. Попробовала бы объясниться.

Но мне даже представить страшно, что Оляка все узнает. Я до тошноты боюсь момента, когда она посмотрит на меня с отвращением; когда я стану для неё чем-то гадким, омерзительным, ненавистным.

Пусть я сделала свой выбор, но, боже, как же я не хочу её ненависти! Как же не хочу ставить в нашей дружбе такую безобразную точку!

Однако и лицемерно улыбаться в лицо, а за спиной проворачивать свои грязные делишки, как Женька Шумилина, я тоже не хочу. Это отвратительно.

Наверное, самое верное – зацепиться за нынешнюю ссору, развить её и, говоря словами Долгова, некультурно слиться, как вода в толчке. Вот только вряд ли получится так просто. Оляка, она хоть и гордая, но не успокоится, пока не докопается до сути. Однажды она все равно прямо спросит: «Почему?». А что мне ей ответить? Опять врать, изворачиваться?

С такими мыслями подъезжаю к колледжу. Мне требуется вся моя воля, чтобы выйти из машины.

В аудиторию захожу вместе со звонком. Наша новая, молодая преподаша по литературе недовольно поджимает губы, но ничего не говорит. Я же впервые радуюсь, что Оляка с

моим переездом не стала изменять многолетней привычке и сидит с Шумилиной.

Стараясь не обращать внимание на любопытные взгляды, иду быстрым шагом в конец ряда. То, что я не поздоровалась с Проходой, не остаётся незамеченным, за спиной тут же начинаются шушуканья:

– О, ты видела? Кажется, Вознесенская с Проходой корону не поделили.

– Ага, запасаемся попкорном.

– Ставлю на Проходу. Посмотрим, как она свою "любимую масю" загасит.

– Да Вознесенская тоже та ещё стерва, я как – то в столовке слышала, как она...

Поворачиваюсь резко, чтобы посмотреть, кто там такой дерзкий, но сплетницы тут же замолкают и делают вид, что внимательно слушают начавшийся урок.

– Вознесенская, может, уже сядешь или тебе особое приглашение нужно? – раздражённо бросает Дарья Вячеславовна, снова обращая на меня внимание всей группы.

– Извините, – бормочу неловко и, поспешно отведя взгляд от повернувшейся в мою сторону Проходы, открываю тетрадь. Вновь идут шепотки.

– Тишина! Сосредоточились и продолжаем обсуждение романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба».

Однорूपники начинают суетиться: открывают книги, тетради, усаживаются поудобнее. Только Оля с Шумили-

ной ржут над чем-то, как ни в чем не бывало, что у Вячеславовны, как и у меня, вызывает злость.

– Прохода, тебе так весело, я смотрю. Давай-ка, расскажи нам, какой эпиграф ты выбрала для своего сочинения.

– Эпиграф это типа цитата? – уточняет Олька в развязной манере хамоватой ПТУшницы.

– Типа, Прохода! Встань для начала и выплюнь жвачку, ты не на дискотеке! И отвечай уже побыстрее!

– Дарья Вячеславовна, я не такая многозадачная, – язвит Олька, поднимаясь со своего места.

Я же едва сдерживаю тяжёлый вздох. Все вокруг в предвкушении шоу, даже не подозревая, что за очередным эпатажем скрывается вовсе не сучья натура, а обида и злость. Я давно поняла, что Прохода не умеет справляться с эмоциями, не умеет держать их в себе. Но теперь точно знаю, с кого она взяла пример срываться на людях. Потом она, конечно, как и Серёжа, очень сильно пожалеет, но, когда у неё внутри кипит, остановить её невозможно, особенно, грозя родителями, как это делает литераторша.

Несколько минут на радость всем они ведут полный яда диалог, а после, доведя Вячеславовну до белого каления, Олька, наконец, отвечает на первоначальный вопрос.

– Эпиграфом я выбрала такие слова: "Любовь, подобна углю: раскаленная она жжёт, а, когда холодна – пачкает."

– И по-твоему, эта мысль отражают суть романа? – снисходительно интересуется Дарья Вячеславовна, наверняка

приклеив Проходе ярлык глуповатой мажорки.

Мы все замираем в ожидании ответа, зная, что Олька может быть кем угодно, но только не глупышкой.

– Нет, просто она самая симпатичная во всей этой политиканской нудятине, – пожалав плечами, отправляет Прохода Вячеславовну в нокаут.

– Политиканской нудятине?! – задохнувшись, возмущенно восклицает она. – Ты вообще в своём уме, Прохода? Роман о Сталинградской битве, об антисемитизме, репрессиях!

– И что, это значит, что я тут же должна признать его шедевром?

– Ты должна хотя бы проявлять уважение!

– Я уважаю историю своей страны, но не каждый художественный вымысел по её мотивам. На тему Сталинградской битвы, антисемитизма и репрессиях есть более интересные книги, а эта – восемьсот страниц нудни! И если вы с этим не согласны, то это вовсе не значит, что я не в своём уме. Может, просто вам надо научиться быть терпимей и сдержанней, а то возникают вопросы о вашей профпригодности. Вас за какие заслуги вообще сюда взяли? Не перед директором, случайно? – войдя в раж, озвучивает Прохода ходящие по колледжу слухи.

– Ну-ка, вон отсюда! И без родителей можешь на моем уроке не появляться! – кричит Вячеславовна в запале, покраснев, как помидор.

– Ага, много чести, – ехидно бросает Ольга и идёт на выход. Шумилина быстро собирает её вещи, и бежит следом.

Вячеславовна же, тяжело сглотнув, пытается сохранить хорошую мину при плохой игре и продолжает неуклюже вести урок.

Мне её даже жаль. Понятно, что у неё мало опыта, плюс работать с богатыми детками тоже не так – то просто, но, пожалуй, моё сочувствие в большей степени продиктовано тем, что я отчётливо вижу на её месте себя.

Скоро ещё более жёстким катком Ольга проедется по мне, а я совершенно не готова. Не представляю, что буду говорить, как вообще все это вынесу. Мне страшно даже сейчас пересечься с ней в коридоре, поэтому на все следующие уроки прихожу тоже со звонком, а на переменах прячусь то в библиотеке, то в туалете.

Знаю, трусливо это, смешно и просто мерзко. Мне и самой от себя тошно, но у меня пока нет сил, чтобы расставить все точки над "i". После каникул соберусь немного и решу этот вопрос.

С такими мыслями забегаю через пять минут после звонка в пустую раздевалку и начинаю торопливо переодеваться на физ-ру, надеясь, без происшествий сдать нормативы и уехать, наконец, домой.

Однако не тут – то было...

– О, какие люди! – издевательски тянет Шумилина, входя с Ольгой в раздевалку.

Столкнувшись с холодным взглядом Проходы, понимаю, что отбегалась. Сердце, будто обрывается с огромной высоты, и начинает колотиться, как сумасшедшее. Замираю с футболкой в руках и сглатываю подступившую к горлу тошноту.

– Ты прямо сегодня какая-то неуловимая, Вознесенская, – продолжает зубоскалить Шумилина.

– А ты, вижу, осмелела, – парирую недвусмысленно, на что она натянуто улыбается, но не отступает, почувствовав, что Прохода на её стороне.

– Ой, да ладно, успокойся, Настён, шучу же, – насмешливо закатывает она глаза и подойдя, бросает рядом с моей одеждой свою сумку. – Кстати, засосики зачетные. Вы с Сеней, походу, друг без друга не скучаете: он с Гаечкой тусит, ты сама по себе...

Она хлопает своими накладными ресничками, а я каменею. Из всех сил сдерживаюсь, чтобы не натянуть судорожно футболку и не выдать себя.

– Шумилина, тебе вообще, какое дело, а? Не знаешь, о чем потрындеть? Расскажи тогда о своих тайных похождениях, – цежу сквозь зубы, взглядом обещая уничтожить, если она сейчас же не заткнется.

– Капец, ты нервная, Вознесенская! Я же наоборот порадовалась. Молодец, меняешь мужиков, когда хочешь...

– Жень, хорош уже! – обрывает её Прохода.

– А че я такого сказала-то? – возмущается Шумилина.

– Ничего, переодевайся быстрее и иди. Скажешь физиру, что мы сейчас подойдём, – отмахнувшись, распоряжается Олька. Шумила недовольно поджимает губы, но ничего не говорит.

Когда мы остаемся с Проходой одни, меня снова накрывает паника.

– Оль, давай потом поговорим, мне нужно сдать нормативы, – прошу тихо, стараясь не смотреть на неё. Но она подходит ко мне вплотную и, толкнув к стене, чуть ли не орет:

– Вознесенская, ты вообще нормальная, а? Какого хрена ты себя так ведёшь? Я че тебе такого сделала, что ты со мной теперь даже не здороваешься?

Таких наездов я, конечно, не ожидала. Смотрю в Олькины взволнованные, полные непонимания и гнева глаза, и в носу начинает предательски щипать.

– Ничего, Оль, ты мне не сделала. Это я просто херовая подруга. Ты все правильно в смс написала, и я на тебя не в обиде, но давай на этом закончим.

Я отвожу взгляд, Олька же несколько долгих секунд офигевает, переваривая мои слова.

– Насть, ты реально думаешь, что я проглочу эту туфту? – уточняет она вкрадчиво, словно не верит, что я в своём уме. И я её понимаю, сама бы была в недоумении, но не могу себя заставить развить ссору и в чем-то обвинить. Просто не могу.

– Как хочешь, Оль, мне больше нечего сказать.

– Зато мне есть что. Ты ведёшь себя странно, Насть, и ме-

ня это злит...

– Ну, извини...

– Да помолчи ты! Ты что, вообще не понимаешь, что я волнуюсь. За тебя волнуюсь, Вознесенская!

– Не надо за меня волноваться. У меня все в порядке.

– Неужели? Ты это маме своей будешь рассказывать, а мне не надо. Я тебя насквозь вижу. И, да, переживаю. Потому что ты – мой близкий человек, и я не собираюсь делать вид, что это не так! – она замолкает, втягивает с шумом воздух, будто перед прыжком в воду, а я прикусываю губу, чтобы не разреветься, когда она тихо произносит. – Прости меня, Насть. Знаю, что очень сильно обидела тебя той смс-кой.

– Не надо, Оль, ты меня не обидела, ничего такого, – таторю, не в силах слушать её извинения. Совесть не позволяет. Но Олька тут же перебивает меня.

– Не ври, ради бога. У меня двести шестнадцать писем от тебя. Уж, поверь, я знаю, что тебя обижает, а что нет. И еще знаю, что ты никогда не стала бы себя так вести, если бы все было в порядке, и ты чего-то не стыдилась.

Олька красноречиво кивает на засосы, а у меня в горле пересыхает, и ноги подкашиваются. Вскидываю испуганный взгляд, в ответ же получаю всёпонимающую, грустную улыбку, от которой в груди начинает нестерпимо жечь.

– Это не то, что... – бормочу, понимая, насколько это жалко звучит.

– Да брось. Как будто я не знаю, как ты по своему жена-

тику все это время убивалась, — отмахивается Оля и, тяжело вздохнув, признается. — Честно, Настюх, это, конечно, зашквар.

Я усмехаюсь сквозь слезы и не видя смысла отнекиваться, резюмирую:

— Ну, теперь ты знаешь, что я не только подруга херовая, но и в целом человек — говно.

Прохода снова тяжело вздыхает.

— Дура ты, Вознесенская! — притягивает она меня к себе, и крепко обняв, шепчет. — Неужели думаешь, что осуждать стану?

Мотаю головой и, уткнувшись ей в шею, захожусь в слезах. Ее безоговорочная поддержка и понимание рвут меня на ошметки. Всё во мне кричит: «Скажи, не будь конченной мразью!» Но я только сильнее начинаю реветь, зная, что не хватит у меня смелости. Ни на что не хватит.

Господи, ну почему именно я должна была оказаться перед таким выбором? Почему, почему, почему?

— Шш, — пытается успокоить меня Оля, даже не подозревая, что убивает своим участием. — Я с тобой. Всегда с тобой, Сладёныш, что бы ни случилось! И никакое ты у меня не «говно». У говна совести нет, а у тебя есть, иначе бы не переживала так.

Она ещё много всего говорит, а я продолжаю реветь до икоты и разрывающей боли в висках, оплакивая нашу дружбу. В какой — то момент даже проскальзывает мысль: а, мо-

жет, к черту Долгова? Разве он этого стоит?

Но тут же становится смешно. Как будто, если сделаю вид, что ничего не было, перестану быть сукой, переспавшей с отцом подруги.

– Проревелась? – спрашивает Олька спустя какое-то время. Не знаю, когда мы с ней сели на лавку, но очень вовремя: ноги меня совсем не держат.

Кивнув, кладу голову Проходе на плечо и прикрываю опухшие от слез глаза, не имея ни малейшего представления, как теперь быть.

Похоже, поторопилась я осуждать Шумилину, у самой тоже кишка тонка.

– Слушай, Настюх, хорош уже себя гнобить, – продолжает меж тем Прохода. – Отношения с женатиком – это, конечно, полное дерьмо, но мы не выбираем, кого любить.

– Не выбираем... – соглашаюсь с невеселой усмешкой, – но как поступить с этой любовью решать нам.

– Это да. Но, если уж выбор сделан, то чего ради мучиться-то? Жизнь одна и прожить ее следует счастливо, – наставляет Олька строго, как по учебнику, цитируя отца. – Надо уважать свое решение и выжимать из него максимум, иначе какой тогда смысл?

Сглотнув вновь подступивший ком слез,жимаю плечами.

– Ну, вот и все. Давай, короче, выше нос. Как там в песне: *«Я ждала тебя, так ждала»*.

Ты был мечтою моей хрустальною.

Угнала тебя, угнала,

Ну и что же тут криминального?» – она так комично копирует Аллегрову, что, несмотря на абсурдность ситуации, не могу сдержать смех.

– Прекрати, – закрыв покрасневшее лицо, умоляю, когда она входит в образ и начинает петь куплет.

– О, а поехали вечером в караоке? Попоем какую-нибудь старперскую байдю, заодно и великое событие отметим, – осеняет ее, когда она вспоминает, что у Аллегровой есть еще «Гуляй шальная императрица».

– Какое еще событие?

– Какое – какое?! – закатывает она глаза и подмигнув, толкает меня в бок. – Нормально хоть прошло?

Я краснею. Становится так не по себе, что хочется сквозь землю провалиться.

– Нормально, но обсуждать не будем, – открешиваюсь, как можно скорее, и тут же меняю тему, вспомнив, с чего все началось. – Кстати, что имела в виду Шумила, когда про Гайку с Сеней говорила?

– А-а это... Да слушай ее больше, ничего там не было. Он распустил сопли на вчерашней тусне и укурился, Гайка решила его утешить, но до траха не дошло, он ее послал, а потом и я ей пару ласковых сказала.

– Понятно, – вздыхаю тяжело. Чувство вины давит все сильнее и сильнее. Пожалуй, Сережа прав, не стоит впуты-

вать Илью в наш дурдом. Хотя бы с ним нужно быть честной.

– Что делать собираешься? Он на тебя запал конкретно, – будто читая мои мысли, спрашивает Олька.

– А что тут сделаешь? Скажу, как есть, попрошу остаться друзьями.

– Ну, и правильно. Ильюха хороший пацан, не надо его водить за нос. Жаль все-таки, что у вас не сложилось. Красивой были бы парой. Твой старпер-то хоть симпатичный?

К счастью, от необходимости отвечать спасает Шумилина.

– Эй, курочки, долго еще трындеть собираетесь, скоро уже урок закончится! – напоминает она, и мы, спохватившись, бежим в зал.

Глава 3

«Края бездны сомкнулись, дышать нечем. Стоишь на дне и понимаешь – слишком поздно.»

К. Макколоу «Поющие в терновнике»

«Все в жизни возвращается бумерангом!» – вечно грозит мне Ларка в припадке бешенства.

Не то, чтобы я не верил в эту заезженную хрень, просто конкретно в случае моей жены не видел смысла опасаться. Даже, если она решит в отместку гульнуть, вряд ли меня это заденет или как-то впечатлит. Ну, нарушится привычный порядок, придётся заняться делёшкой – все это, конечно, утомительно, но не смертельно.

Однако бумеранг он на то и бумеранг, чтоб попадать четко, куда надо.

Смотрю на суесящегося возле мангала зятя и едва сдерживаюсь, чтоб башкой его в этот мангал не сунуть.

Если бы не Дениска, не отходящий от меня ни на шаг, прибил бы гада. Одно дело подрюкивать какую-нибудь молодуху на досуге, другое – завести себе на стороне семью с двумя детьми. И о чем только баран думает?

Я, когда увидел вчера, глазам не поверил. Первой мыслью было пристрелить к чертям собачьим вместе с новой семейкой. К счастью для Жеки, слишком торопился на заседание совета директоров, иначе мы бы сегодня не на барбекю собрались, а на его похоронах.

За ночь, конечно, эмоции немного поутихли, я переварил ситуацию и решил, не гнать лошадей. Но с этой мусорской морды ещё обязательно спрошу. Похер мне на двойные стандарты и всякое «а сам-то», моя сестра не для того объехала столько репродуктологов и чуть в психушку не загремела в попытках родить ребёнка, чтоб этот мудила давил на самое больное.

Потраховал бы тихо – мирно кого-то, слова бы ему не сказал. Что уж я не понимаю что ли, как оно бывает?! Но дети, да ещё не просто залет, а аж целых два! Нет, так просто я этого не оставляю. Хотя объективно, чисто по-мужски понять могу.

Зойка совсем осатанела от денег и власти. Одни разговоры только о делах. Злющая, как собака, тощая, вечно всем недовольная, куда-то спешащая и замороченная. С такой же-

ной не то, что трахаться, пересекаться лишний раз не захочешь.

«Самодостаточная», успешная баба – это, конечно, хорошо, и порой, восхищает, пока она не начинает превращаться в мужика в юбке. А каждая! Вот практически каждая на руководящих должностях заигрывается в начальника и забывает, что женщина это не только про макияж, сексуальное бельишко и маникюр с педикюрами. Трансы на Бич Роуд в Тае ухаживают за собой покруче любой тёлки, но с бабами их спутать можно отнюдь не поэтому. Просто они, как никто понимают, что женщина – это, прежде всего, ласка, нежность, понимание и уют. Не зря их там называют женщинами высшего сорта.

У Зойки же напрочь атрофировалась не только женственность, но и человечность. Я совершенно перестал узнавать свою сестру. Какая-то зомбированная машина -убийца. Деньги, сделки, схемы, махинации, откаты и снова деньги, сделки, схемы, махинации, откаты. Говорить о чем-то другом она просто – напросто разучилась.

Вот и сейчас вместо того, чтобы побыть с семьёй, вина выпить, расслабиться немного, висит на телефоне и талдычит о своём, расхаживая взад-вперёд, как невротичка, даже не подозревая, что за п*здец твориться у неё под носом.

Впрочем, все к лучшему. Не время для грызни между собой. Дело принимает серьёзный оборот и не столько из-за Можайского, сколько из-за грядущих перемен в стране.

Ходящие в кулуарах слухи об отставке президента и очередных играх семибанкирщины, не нравились мне от слова «со-всем». Нужно было ехать в Москву, разведывать обстановку и думать, в каком направлении двигаться дальше.

Примерно я, конечно, представляю, к чему все идет, и план у меня на этот случай готов. Я всегда знал, что из гонки мне позволят выйти только вперёд ногами, но рассчитывал, что это произойдёт не раньше, чем через пару лет. Придётся, короче, мобилизоваться, подчищать хвосты. И пока лучше семейные разборки оставить на потом.

Не хватало ещё, чтобы зятек, загнанный в угол, перекинулся к Можайскому. Все-таки, как никак, глава УВД края, а с этим в нынешних реалиях нельзя не считаться. Поэтому вместо того, чтобы дать волю гневу, гоняю с сыном мяч, вполуха слушаю Женькин трёп о весёлых ментовских буднях и жду смс от Настьки.

Если бы не её занятия по английскому, позвонил бы сам. Прошло уже три дня, а мы так ни разу и не смогли встретиться. То у неё какие-то спецкурсы, конец семестра и представленная Можайским охрана, то у меня налоговая, подписание договоров, и прочий гемор.

Так, если вдуматься, от зятя по степени дурости я, конечно, недалеко уехал – такой же баран, запиливший свои рожищи в самое пекло. Знаю, что проблем не огребусь, но... Тянет, сука. Манит с такой силой, что ни жрать не могу, ни спать, ни думать ни о чем, кроме моей Настьки.

Какой-то гон, словно впервые девку попробовал: кровь кипит, энергия бешеная, башка, будто пьяная и голод... Дикий, нестерпимый, от которого на третий день просто крышу рвет. Ощущение, словно не сорокалетний, перепробовавший все, что можно и нельзя, мужик, а выюноша с эндокринной горячкой.

У меня так в пятнадцать не стояло, а тут просто напасть: только подумал и уже готов. Ларка ещё, как специально, купила Настькины духи. У меня чуть когнитивный диссонанс не случился, стоило учуять. Потом всю ночь не мог уснуть. Чувствовал Сластенкин запах, и перед глазами калейдоскопом её смущенная улыбка, робкие ласки, эти стыдливые, тихие стоны и нежное, до дрожи тягучее «Серёжа».

Послушать себя со стороны: такая, прости господи, сопливая дичь, а я все равно лыблюсь, как блажной дебильтон, и хочу ещё.

Ещё в её ни черта не умеющий, но такой жаркий, влажный рот. Ещё в неё: горячую, мокрую вхлам, до искр в глазах тугую, и только мою.

Что это, если не любовь?

Вполне вероятно, что долбо*бизм в квадрате.

Но попытки включить мозг, закончились тем, что этот пиндос выдал лишь одну, бесспорно «гениальнейшую» мысль: ещё ни с одной бабой мне не было так...

Как? А хрен его знает, ещё не понял. Но то, что «ни с одной» впечатляет, как ни крути. И будоражит настолько, что

хочется послать все к такой-то матери, увезти эту мелкую занозу подальше от всего и всех, и как минимум, неделю не выпускать из койки.

Хорошо, что поездка в Москву так удачно совпала с Настькиными каникулами, а то бы я забил на всякое благоразумие и осторожность, и таки увёз бы куда-нибудь без спроса. Впрочем, так я и сделаю, если она мне сейчас напишет какую-нибудь туфту про то, что ей не разрешат или она не сможет отпроситься.

– Слушай, а может, мне с тобой поехать? – разомлев от вина, предлагает Ларка, привалившись к моему плечу.

– Конечно, поезжай, чего он там один будет, – поддакивает тёща.

– И правда, Серёнь, с женой – то веселее, – подмигнув, прячет Зойка за бокалом вина ехидную улыбку, прекрасно зная, что однозначно я буду не один.

Стерва, а не сестра!

– Не выдумывай, у меня дел по горло, – отмахиваюсь от Ларки. Она, естественно, начинает возражать, но я уже не слушаю. Телефон вибрирует входящим смс от Настьки.

Не обращая внимание на застывших в ожидании моего ответа родственников, выхожу из-за стола.

– Серёжа, я вообще-то тебе говорю? – бросает возмущённо Лара.

– Потом, у меня срочный разговор, – в очередной раз даю отмашку и, накинув куртку, выхожу на террасу.

Закурив, вдыхаю прохладный ноябрьский воздух, и звоню моей девочке.

– Дуньчик, ты уже дома?

– Ещё раз назовете меня так, Самурай ЭльдарАдович, и я отправлю вас в чёрный список, – мурчит она, не скрывая радости. На бэкграунде у неё играет какой-то чилаут, и гудят оживленные голоса, сразу становится понятно, что ни о каком доме речи не идёт. И меня это, как ни странно, напугает.

– Где ты?

– А мы с девчонками с курсов решили немного посидеть. Заехали в кофейню.

– Только с девчонками? – уточняю шутливо, хотя самому ни хрена не смешно и, прежде всего, от того, куда меня несёт. Настька же напротив – вовсю веселится и дразнится:

– Ну, конечно же, нет. Тут столько классных, обходительных мужиков: официанты, администратор, охрана. Думаю, и среди поваров мужики есть.

– Балалайка ты, – сделав затяжку, смеюсь, мысленно крутя себе у виска. – Лучше скажи, что насчёт того, чтобы поехать со мной послезавтра в Москву?

– А что тут говорить? Поеду, – отзывается она, не думая ни минуты. Поскольку я настроился на очередной гемор, то меня это несколько удивляет.

– Ну, мало ли? Может, с родителями какие-то сложности...

– Нет. Я, как раз, собиралась к папе. Так что возьму на завтра билет, и уже в Москве встретимся, – с энтузиазмом заверяет она, не позволяя мне раскатать губу. А ведь я только понадеялся, что обойдёмся без конспираций.

– Насть, ну, какой ещё билет?! У меня «фалькон». Кто тебя на частном самолёте увидит? Не выдумывай, пожалуйста! Вместе полетим.

– Серёж, я не выдумываю! Меня просто так никто никуда бы не отпустил – это, во-первых, а во-вторых...

Дальше я слушаю целый список доводов, почему нам лучше лететь по-отдельности.

Если бы я был агентом 007, идеальной девушки придумать было бы невозможно. Но поскольку я всего лишь привыкший к комфорту олигарх, то меня необходимость шкериться и действовать с оглядкой на людей, до которых мне нет совершенно никакого дела, просто бесит.

Естественно, мы спорим, но в итоге приходится уступить, потому что по-другому эта мелкая трусишка не согласна.

– Бесишь ты меня, Настька, – резюмирую с тяжёлым вздохом.

– Это вы не по адресу претензии, Сергей Эльдарович. В конце концов, не у меня супруга и дети.

– Так вот и именно, что не у тебя.

– Ну, будешь свободным мужчиной – буду в твоём полном распоряжении в любое время, в любых локациях, – сообщает

она приторно-ядовитым голоском.

– А-а, это типа у тебя тактика такая? – парирую насмешливо, не в силах сдержать сарказм, о чем тут же жалею.

– Нет, это типа у меня твоими молитвами такая жизнь! – отрезает она и бросает трубку.

Поговорили, называется!

Нет, я все понимаю, но она теперь что, на постоянной будет мне мозги выносить?!

На хер мне вообще это надо? Мало что ли вокруг красивых, молодых, умных девок, знающих, когда вовремя рот закрыть?

Да до х*я, я вам скажу. До х*я! Только успевай уворачиваться. Нет же, втюхалась мне эта малолетняя паскуда, теперь нянькайся с ней!

Не знаю, сколько я так кипел, бродя туда – сюда, скуривая одну сигарету за другой, но в конечном счёте эмоции схлынули, и я перезвонил Настьке.

– Успокоилась?

– Успокоишься тут, – отзывается она с невеселым смешком.

– Не злись, маленькая.

– Я не злюсь, Серёж, просто... соскучилась сильно.

– Я тоже соскучился. Хочешь, приеду за тобой и сегодня же улетим в Москву?

– Хочу. Но я с охраной. Давай уж, потерпим денёк, зато потом без всяких нервяков проживем неделю.

– Иногда мне кажется, что это тебе сорок, а мне – восемнадцать, – в который раз поражаюсь её благоразумию.

– Тебе бы я точно больше не дала.

– Чёт как-то звучит не очень воодушевляюще, – подкалываю её. Настька, сообразив, что сказала, начинает смеяться.

– Ну, как говорится, если каждому давать – поломается кровать.

– И не только кровать. Ноги, например, ещё, шея, – предупреждаю шутливо.

– Ужас. Ладно, давай закругляться, а то девочки на меня уже косо смотрят, весь вечер на телефоне.

– Лады, напиши, как приедешь домой.

– Хорошо, целую тебя.

– И я тебя, малышка.

Закончив разговор, закурываю ещё одну сигарету и с удовольствием затянувшись, смотрю на загорающиеся в небе звезды. Хорошо так... Пока за спиной не раздаётся Ларкин ядовитый смешок:

– Вот значит, каких у тебя «дел по горло».

Приехали... Только её истерик мне для полного комплекта не хватало.

Теперь вот выкручивайся, импровизируй, воображение напрягай.

Если честно, в падлу как-то.

Ну, а что делать?

Что делать – ах, что делать... Тоже мне, Гамлет, принц

Датский, недорезанный. Думать надо было головой, а то ишь любовь у него.

Кое-как сдерживаю крутящий на языке мат и, втянув с шумом воздух, поворачиваюсь к Ларке.

Несколько долгих секунд она смотрит мне в глаза. Не знаю, что пытается высмотреть, но меня эта попытка пристыдить раздражает.

Потому что да, как ни крути, не красиво. Не люблю я без особой надобности жену обижать. Но, мать её так, она же упорно лезет на рожон.

Вот чего, спрашивается, добивается? Для чего следит, подслушивает? Какой в этом смысл, если в конечном счёте, все равно проглотит и сделает вид, что ничего не было?

– Ну, и что ты хочешь от меня услышать? – не шадя, спрашиваю прямо.

А какой тоже смысл церемониться?! Сама выпрашивает, у меня же корчить из себя артиста погорелого театра нет настроения.

К счастью, Ларка не ахает в притворном возмущении. Ухмыляется зло и подходит почти вплотную, продолжая сверлить меня пристальным взглядом.

– От тебя, Долгов, ничего, – язвит, растягивая губенки в наигранной улыбке. – Просто шалаве своей объясни, чтоб незаметней была и когти при себе держала, а то смотреть тошно на эту пошлятину.

Она недвусмысленно переводит взгляд на мою шею. Я же

впервые, как ни странно, соглашаюсь с её претензиями, ибо так демонстративно палиться – совсем уж наглость. Правда, следующая фраза тут же на корню убивает мою, не ясно каким чудом проснувшуюся, совесть.

– Да и тебе совету поостеречься, пока я не подала на развод, и не продала свои десять процентов Назарчукам. Посмотрим тогда, как ты запоешь, когда у них будет контрольный пакет акций.

Охренел ли я? Не то слово.

Нет, Ларка мне всегда чем-то грозила, а уж разводом так вообще – хоть рингтоном ставь на её имя. Но никогда в ее угрозах не было ни единого намёка, что однажды она может ударить в спину.

Поэтому это наглое заявление, да ещё именно тогда, когда против меня все шакалье сбилось в стаю, выводит из себя настолько, что от накатившего волной бешенства перед глазами начинают полыхать красные всполохи.

– Твои десять процентов, значит? – вкрадчиво уточняю, оскалившись. Ларка, взглянув на мою перекошенную рожу, бледнеет. Видимо, сообразив, наконец, что зарвалась, но остановить во мне тикающую бомбу уже не под силу даже мне самому. – А ты ничего не попутала? Тебе может напомнить, кто эти десять процентов заработал и почему тебе дал?

– А может, тебе напомнить кое – что? – огрызается дрожащим голосом и окончательно выводит меня из себя. – Не помнишь, чью квартиру ты продал, чтобы купить акции сво-

его проклятого завода?

Если меня можно было довести чем-то до неконтролируемого состояния, то это была именно та самая тема. Тема сыгравшая, можно сказать, роковую роль в нашем браке.

– Та-ак, и чью же квартиру я продал? – тяну, едва сдерживая клокочущий в груди гнев.

– Не прикидывайся. Ты моей матери и её сёстрам за бабушкину квартиру копейки заплатил. Так что, да, мои! И не жалкие десять, а как минимум двадцать пять процентов!

– Да ты что?! – взрываюсь гомерическим хохотом и тут же, захлебнувшись многолетней злобой двадцатилетнего пацана, которого на*бывала собственная теща, ору. – Ты, тварь такая, охренела что ли совсем? Копейки я им заплатил...

– А что, не так что ли было? – орёт Ларка в ответ.

– Да откуда ты можешь знать?! Ты, бл*дь, всю молодость проспала на ходу, пока я ишачил, как проклятый! Похеру тебе было до всего! Лишь бы тебя не трогали.

– О, не волнуйся, из тебя такое говно лезло из-за этой квартиры, что спать на ходу, как ни старалась, не получалось. Ты же каждый день, сука, мне нервы мотал! Обманула его теща, понимаешь ли, бедненького. Да ты себя слышишь вообще? Кто тебя, морду беспредельную, мог обмануть?

– Ты – идиотка просто, поэтому ни черта понять и не можешь! Я к твоей матери относился, как к семье! Если бы знал, что она – такая алчная тварь, конечно, не церемонился бы, но мне было двадцать три года! Я ни черта не знал в

этой жизни, кроме того, что чужие могут меня обмануть. Вот только оказалось, что свои делают это с особой наглостью, — усмехаюсь, вспоминая весь этот дурдом и себя — наивного дуралея.

Я ведь и правда верил их семейке. А история довольно банальная: я начал зарабатывать, но не столько, чтобы сразу купить квартиру. У тещи же, как раз, умерла мать, и оставила ей на троих с сестрами двушку. Подумав, я решил, что родня пойдет навстречу и согласится продать ее мне в рассрочку. Денег в стране ни у кого не было, купили бы ее не скоро, а жить на что-то надо было. За полгода, крутясь, как белка в колесе, я выплатил доли тещиным сестрам. Да, не всегда деньгами. Техникой, мебелью, машинами, шмотками... Что получалось урвать — тем и платил, но это были не «копейки», поэтому Ларкины тетки без претензий переписали свои доли. Казалось бы, можно выдохнуть. Уж с тещей -то проблем не возникнет. Все-таки, как- никак, родная дочь и внучка будут жить, но не тут-то было. Эта сука, впервые почувствовав запах денег, начала мутить воду и требовать каждый раз еще, и еще. Я бы послал ее на хер. В конце концов, никому бы она свою долю не втюхала, но именно в это время началась вся эта песня с приватизацией предприятий, и надо было рвать когти, покупать акции. Я чувствовал, что дело выгорит и должен был срочно продать квартиру. Очень удачно нашелся покупатель, но эта тварь, решив содрать с меня побольше денег, просто встала в позу — не продам и все тут.

Сколько я потратил нервов, денег, времени – не описать. И после этого Ларка будет говорить, что я должен ее семейке? Похоже, мне в свое время не с лестницы надо было ее мамашу с папашей спустить, а пристрелить к чертям собачьим, может, тогда бы, наконец, до нее что-то дошло, и она не кривила бы передо мной лицо, язвя:

– Ой, боже ты мой, как же ты себя любишь, Долгов! Как же ты себя жалеешь! А ничего, что тогда инфляция за инфляцией была? Поэтому мама и назначала каждый раз новую сумму ...

– Да неужели?! – иронизирую, заводясь с еще большей силой. – А ничего, что ты – ее дочь? Ты вообще представляешь, чтобы мы с тобой у Ольки какие-то деньги требовали и не за квартиру даже, а за сраный клочок, который нам в принципе не нужен?

– Не надо сравнивать наше положение с положением моих родителей! Они не обязаны были нам что-то дарить.

– А их никто и не просил. Я лишь хотел, чтобы мне продали эту чертову квартиру по рыночной цене. Но вместо этого твои суки-родители ободрали меня, как липку.

– Да потому что ты шлялся, как скотина! – взрывается Ларка. – Мама смотреть не могла, как я днями и ночами мечусь с ребенком, не зная, где ты, с кем и что вообще происходит: не убили ли тебя, не посадили...

– Ах, вот оно что?! – хохочу в голос, хотя самого трясет от бешенства. – Так с этого и надо было начинать!

– Что у вас тут происходит? Вы чего орете? – вклинивается Зойка, но я, не обращая внимания, продолжаю:

– А ты, значит, вспомнила мамашин успех и решила тоже так отыгаться, да? Только вот перед тобой уже не двадцатилетний мальчик, ты учти...

– Так, я не поняла, что это значит? – возмущенно вскрикивает теща, действуя на меня, как красная тряпка. Оборачиваясь к застывшей толпе родственников, смотрю на их раскормленные за мой счет, наглые рожи и просто зверею.

– Это значит, что вы мне все осточертели, мрази! Собирайтесь, и валите на хер из моего дома! – ору не своим голосом, едва сдерживаясь, чтобы не дать каждому пинка под зад. – И ты тоже, – ткнув пальцем в Ларку, – собирай свои монатки и у*бывай вместе с ними. Будешь ты мне здесь еще условия ставить!

– И буду! И даже не сомневайся, акции твои продам Назарчукам! Ты мне за все ответишь, свинья! – орет она в ответ. Я же, сам не понимаю, как кидаюсь к ней. Она визжит, меня кто-то перехватывает, но я настолько не в себе от ярости, что уже не соображаю, что творю.

– Только попробуй, сука, хоть что-то с ними сделать, и я тебе клянусь, ты и вся твоя семейка без штанов у меня останетесь. И сына моего в ближайшие десять лет будешь на фотографии только видеть, поняла?!

– Да чтоб ты сдох, скотина! – захлебнувшись слезами, выплевывает Ларка и, оттолкнув мать, убегает. Теща начинает

выть и причитать, тесть хватается за сердце. Сестра с Женькой крутятся вокруг меня, пытаюсь куда -то увести.

– Да отвяжитесь вы! – рыкнув на них, отмахиваюсь и быстрым шагом иду в кабинет.

Падаю без сил на диван и, закрыв глаза, лежу так какое-то время. Внутри клокочет: злость, обида какая-то, занозой сидевшая во мне столько лет, да куча всего... Но потом как-то разом стихает, и я чувствую дикую усталость, и опустошение. Думать, насколько все неправильно и что дальше будет, совершенно не хочется.

Не знаю, сколько бы я так сидел, но тут раздается робкий стук в дверь.

– Пап, можно?

– Заходи, дочунь, – отзываюсь с тяжелым вздохом. Ольга тихонько проскальзывает в кабинет и, недолго думая, устраивается рядом со мной. Обняв за пояс, кладет голову мне на грудь. Целую ее в макушку, прижав к себе, чтобы не свалилась с дивана, и чувствую, как потихонечку начинает отпускать.

– Пап, зачем ты так с мамой? – спустя какое-то время спрашивает дочь осторожно. Она с детства так делает: когда мы с Ларкой ругаемся, приходит, разговаривает с каждым по-отдельности, а после пытается помирить. И я всегда ради неё, ради её маленького, счастливого мирка, уступал и делал все, чтобы Ларка долго не держала зла, даже если и не был виноват по сути. Но сейчас настолько она меня выбесила,

что даже ради детей нет никакого желания с ней контактировать. Возможно, надо успокоиться, но пока даже слышать о ней не хочу.

– Дочунь, мы с матерью сами разберемся. Закрыли тему. Дочь разочарованно поджигает губы.

– Не дуйся, мышонок. Лучше иди, скажи ей, что я сейчас сам уеду, пусть не дергается. И потом попроси Егоровну собрать мне чемодан, я послезавтра улетаю, пусть завтра с водителем придет, – поднявшись с дивана, прошу ее и начинаю собирать необходимые документы.

– Ты надолго?

– Дней на пять – семь.

– Я буду скучать, удачи в делах, и не переживай, ладно, – поцеловав меня в щеку, ласково сжимает она мою руку в неловкой попытке поддержать, и это, конечно же, не оставляет равнодушным. В горле застревает ком, притягиваю дочь к себе, обнимаю крепко, четко осознавая: что бы мы с Ларкой друг другу ни наговорили в порыве гнева, мы никогда не переступим ту черту, за которой наши дети будут вынуждены разрываться между нами, как между двух огней.

Через два дня эмоции утихли. Пришлось признать, что в очередной раз перегнул палку. Не стоило устраивать такой цирк. Кровь – не вода. Все мы, так или иначе, зависим друг от друга. Кто-то в большей, кто-то в меньшей степени. И хотя этим дармоедам – моим родственничкам полезно иногда встряхнуться, все же сейчас не самое подходящее время для

выяснения отношений.

Но что уж теперь?

С такими мыслями обвожу сонным взглядом, творящийся вокруг меня развеселый п*здец, и понять не могу, за каким вообще хреном позволил этому зверинцу кобелировать у меня в самолете?!

А вот же... заскочил на свою голову, чтоб время потом не тратить, в соседние медвежьи углы, и конечно же, каким-то чудесным образом набились попутчики, причем такие, что не откажешь. Мне в принципе и не жалко, пусть летят, все равно без Настьки скучно, но как-то так повелось, что если летишь компанией в бизнес – джете, то тяжелая пьянка с элементами цыганщины и бл*дства обеспечена. И ладно бы, нажрались да заснули, так нет же, все это сопровождается невыносимым воем на все лады под караоке, плясками до упаду, и, конечно же, похабенью.

Стандартных объектов паскудного вожеления два – стюардессы и секретутки. Только, если девки из команды вышколены и умело отбиваются, то пьяных дур второй древнейшей регулярно еб*т. Опять же, хрен бы с ними со всеми. Я и сам часто бывал среди этого зверинца. Но то ли старею, то ли, правда, любовь. Хочется просто отоспаться перед встречей с моей девочкой, поэтомуставляю охрану возле первого салона, чтобы парочки не ломились прелюбодействовать в носовой туалет.

Правда, все равно выспаться не удаётся. В Москву приле-

таю злой, как черт и сразу же еду сначала на встречу с правительственными говножуями, а после – за моей Настькой.

По дороге покупаю ей цветы, с удивлением осознав, что ещё ни разу ничего не дарил. Честно говоря, я вообще забыл, когда бабам делал подарки. Ну, так чтоб от души, а не на отвяжись. А тут вдруг настолько захотелось, что сам бродил растерянным додиком по цветочному магазину, не зная, что моей Сластенке может понравится.

От консультанши, как оказалось, толку тоже ноль: стоило ей только услышать «художница», как она начала грузить меня стереотипной дичью про ромашки, одуванчики и какую-то экзотическую по*боту типа плюмерий, стрелиций, альстромерий...

В итоге: из магазина вышел с букетом нежно-розовых роз в оформлении эвкалипта с повеселившим меня названием «Серебристый доллар».

Банально? Да и похер. Главное, что красиво и подходит моей Сластенке.

Подъехав к сталинке Настькиной бабки в Лефортово, выхожу из машины, и тут же из подъезда вылетает моя девочка с чемоданом наперевес. Даю охране знак, чтоб забрали багаж, а сам подхватываю эту светящуюся от счастья егозу. Наверное, со стороны кажусь тем ещё придурком: с букетом цветов, в дорогушем костюме и пальто, кружа молоденькую девчонку в кислотно-розовой крутке и рваных джинсах. Но мне плевать.

Сжимаю её в объятиях с такой силой, что она судорожно втягивает воздух, я же вдыхаю цветочный аромат её волос и едва сдерживаю горячую дрожь.

Хочу её. До ломоты хочу.

– Серёж, ты меня раздавишь, – шепчет она, нежно коснувшись губами моей щеки.

– Соскучился по тебе, маленькая, – сжав её напоследок ещё сильнее, позволяю соскользнуть на землю. Настька с улыбкой целует меня в кончик носа и, отстранившись, замечает, наконец, букет.

– Это мне? – ахает она восторженно и сложив ручки домиком прикрывает рот, словно не верит.

Смотрю на неё такую и отвечаю себе мысленного леща. Все-таки придурок я: мог бы и раньше сообразить что-то. У неё ведь все впервые. Ей красиво хочется, с цветами, конфетками и походами в кино, а не шкериться где-то по квартирам.

Кивнув не столько ей, сколько самому себе, протягиваю букет. Настя нежно обнимает его, с улыбкой зарываясь лицом в лепестки, и так смотрит на меня из-под полуопущенных ресниц, что я вдруг, как пацан, смущаюсь.

– Нравится? А то не знал, какие ты любишь, – откашлявшись, неловко отвожу взгляд, отчего она, будто поняв все, улыбается ещё шире.

– Те, которые от тебя люблю, – погладив меня по щеке, заверяет тихо.

– Вот как...

– Угу, – втягивает с шумом запах роз и подмигнув, добавляет. – Но эти теперь самые любимые.

– Буду знать, – ухмыляюсь в ответ.

Без понятия, сколько мы так стоим, но, наконец, заметив, что на нас пялится весь двор и охрана, садимся в машину.

Настька смущенно смеётся. А у меня башку от неё снова сносит: от запаха её охрененного, от глазок горящих, от губ этих сочных.

Кажется, будто не неделя прошла, а целая вечность. Со-скучился так, что сил нет.

Не выдержав, сгребая рукой горловину её куртки, дёргаю на себя и жадно впиваюсь в удивлённо- приоткрытый рот. Облизываю её сладко – липкие губы. Она тут же обхватывает мой язык ими и начинает сосать.

Медленно, со вкусом и так ох*енно причмокивая, что я просто дурею от похоти.

Хочу трахнуть её в рот до глубоких горловых звуков, кончить на эти нежные, пухлые губы. Чтобы так же, причмокивая, слизывала с них мою сперму.

От промелькнувших фантазий член каменеет. Подминаю Настьку под себя и, распластав на сидении, вклиниваюсь между длиннющих ног.

Моя девочка всхлипывает, выгибаясь мне навстречу.

– Серёженька, – шепчет лихорадочно между поцелуями и шарит по моим плечам, пытаясь забраться под пальто и

пиджак. Я и сам разве что не рычу. Слишком мало ее губ и шеи.

Хочу всю. Каждый миллиметр кожи.

Зацеловать. Вылизать.

Не в силах терпеть и разбираться с заевшей, как назло, молнией на куртке, просто задираю ее вместе с кофтой и начинаю покрывать живот быстрыми поцелуями. Сдвигаю полупрозрачное кружево лифчика, вскользь отмечая, что моя девочка подготовилась – подобрала сексуальное бельишко.

Выглядит бесспорно шикарно. Но мне сейчас абсолютно наплевать на все эти приبلуды. Я ее так хочу, что трахнул бы, будь она даже в каких-нибудь бабкиных панталонах.

Усмехнувшись, сжимаю ее упругую, налитую грудь. Провожу языком по торчащим, ярко-розовым соскам, а ребром ладони между ее ног. Сластенка судорожно втягивает воздух и дрожит.

Я знаю, что ей это дико нравится. Знаю, что она уже потекла, и меня это до дрожи заводит.

Спускаюсь поцелуями ниже и расстегиваю пуговицу на джинсах, но Настька перехватывает мою руку.

– Сереж...

– Шш, просто чуть-чуть поласкаю, Настюш. Перегородка звуконепроницаемая, не волнуйся, никто не услышит, – пытаюсь притушить ее вдруг вспыхнувшую стыдливость и продолжаю расстегивать молнию. Однако Настька тут же отпикивает мои руки и, неуклюже одернув куртку, тараторит:

– Я пока не могу.

– В смысле? – нахмурившись в ожидании очередного мозгового выноса, наблюдаю за тем, как она вся скукоживается, будто хочет провалиться сквозь землю.

– Ну, – покраснев, неловко опускает взгляд и на выдохе едва слышно признается. – У меня эти дни.

Можно ли обломать сильнее?

Вот уж вряд ли. Но в данную минуту меня это заботит в последнюю очередь, хоть я и возбужден так, что мозги плывут. Просто смотрю на Настьку, и глаза на лоб лезут, когда она начинает торопливо оправдываться.

– Они вообще должны были только через неделю начаться. У меня обычно нет сбоев и я не думала, что так получится, но... мы же можем как-то по-другому...

Она сглатывает тяжело и нервно прикусывает губу, разглядывая свои сцепленные в замок пальцы, а я просто не знаю, что сказать.

Господи, девочка, ты, блин, серьезно что ли? – крутится у меня в голове. Мне и смешно, и в то же время охрениваю.

Дичь какая-то.

Что вообще должно быть в голове, чтобы оправдываться за такие вещи? Тоже самое, если бы я начал извиняться за то, что у меня на нее стоит.

Ну, бред же!

И вот думаешь, этот бред продиктован смущением, низкой самооценкой или это очередной намёк на то, что я – му-

дак?

Впрочем, тупой вопрос. Конечно же, мурак, раз не развёл-ся в ту же секунду во имя большой и светлой. Но, мать ее за ногу, неужели она правда думает, что все теперь сводится исключительно к койке?

Судя по тому, как продолжает зажиматься, так и есть. Меня это, естественно, раздражает.

– Не, Насть. Возвращаемся. Че теперь с тобой делать – то?! – резюмирую едко, чтоб хоть немного встряхнуть. А то аж челюсть сводит от её ужимок. Ощущение, будто я её на раз потрахаться снял.

И аллилуйя!

Настька вскидывает на меня возмущенный взгляд и смотрит во все глаза.

– Очень смешно, – сообразив, наконец, что я просто стебусь, бурчит, покраснев, как маков цвет.

– Ага, обхохочешься, – закурив, приоткрываю окно и, глядя на пролетающие улочки, добавляю грубо. – Но ты же сама позиционируешь себя, как...

«Просто дырку» едва не вырывается у меня. К счастью, вовремя торможу себя, но, похоже, Настька понимает все без слов. Сглатывает подступившие слезы, а я тут же жалею, что вообще рот открыл.

Честно, обижать её хотелось меньше всего, но не могу справиться с эмоциями. Меня злит это патологическое желание быть удобненькой. Только вот злюсь я вовсе не на Насть-

ку, а на всех тех, кто её такой делает. И на себя в том числе.
В общем, дебил я. Вспыльчивый дебил.

Сделав последнюю затяжку, выбрасываю сигарету и притягиваю мою ранимую девочку к себе.

– Настюш, – выдыхаю ей в макушку, – ты ко мне очень несправедлива.

Настя застывает на мгновение, а потом медленно поворачивается и смотрит на меня удивлённым взглядом, я же понимаю, что вот с этого и надо было начинать.

– По-твоему, я совсем чурбан неотесанный? Думаешь, больше ни на что не годен? – возмущаюсь вполне себе даже искренне, Настька открывает рот, чтобы что-то возразить, но, понимаяюще улыбнувшись, качает головой.

– Ну, что вы, Сергей Эльдарович?! И в мыслях не было.

– Вот и славно. Тогда поехали перекусим, а потом будешь показывать мне Москву, а то я вечно набегам, – подмигнув, подвожу итог. Настька кивает. Сжимаю ее крепче, и, поцеловав в висок, ставлю точку в скользкой теме. – Не надумывай больше всякую херню. Главное, что ты рядом. Этого уже достаточно. Ты вообще никому ничего не должна, запомни это!

– Запомню, – помедлив, соглашается она и, расслабившись в моих объятиях, с улыбкой добавляет. – Но учти, однажды это может сработать против тебя.

– Да я уже понял, что погорячился.

Мы смеёмся, и атмосфера разряжается.

В ресторане Настька окончательно приходит в себя. Забыв о смущении и неловкости, щебечет, как птичка, набрасывая план, куда мы обязательно должны сходить, что попробовать и заценить.

От глинтвейна у неё покраснелись щёки, глаза горят счастливым блеском, а с губ не сходит довольная улыбка. Глядя на неё такую, на душе становится тепло и спокойно.

– Серёж, тебе вообще интересно, а то у меня ощущение, что ты даже не слушаешь? – спрашивает она, когда нам приносят десерт.

– Слушаю, Настюш. Просто залюбовался тобой, – погладив её по щеке, заверяю с усмешкой. Настька, застеснявшись, опускает взгляд. Смешная такая, все еще смущается. Беру её за руку и, поцеловав, шепчу. – Все интересно, маленькая, продолжай, я толком ничего и не видел, так что не ошибешься.

– Как? Вообще -вообще?

– Ну, в шестнадцать, когда был на соревнованиях, прогулялся по главным достопримечательностям. Впечатлился тогда настолько, что даже думал переехать жить, но в итоге все закрутилось иначе...

– Ты будто жалеешь, – словно почувствовав мою ностальгию, замечает она.

– Да не то, чтобы... Просто тот путь был бы гораздо легче, – признаюсь с невеселым смешком.

– Ты из-за сына ушел из спорта? – все поняв, осторожно

уточняет она.

По привычке хочу отмахнуться, перевести тему, но почему -то, встретившись с ее взволнованным взглядом, киваю.

– Не хочешь рассказать? – предлагает она тихо.

– А зачем, Настюш? Все равно уже ничего не изменишь.

Да и как-то от разговоров легче не становится. Во всяком случае не тогда, когда хоронишь детей.

– Ты прав. Прости, что лезу, просто... Возможно, если бы я знала о твоём прошлом, лучше бы понимала тебя.

Что сказать? Попала, куда надо. Понимание – это, пожалуй, заветная мечта каждого женатого мужика. Мало, какая баба догадывается, но главной женщиной в жизни мужчины становится вовсе не та, что родила ему детей и даже не та, которую он любит.

Главная женщина в его жизни – та, которая его понимает. Но, чтобы понимать, надо слушать. Бабы же, в большинстве своём, слушать не умеют. Они умеют только говорить или слышать то, что им хочется. Поэтому многие мужики держат все в себе, ибо смысла что-то рассказывать нет никакого. Я тоже не привык трепаться, но с Настькой почему-то есть ощущение чего – то особенного.

Однако настроение и обстановка не особо располагают к откровениям, так что решаю повременить.

– Потом, Настюш, расскажу. Давай, уже доедим десерт и пойдём, а то я в самолёте насиделся, потом на встрече. Надо размяться.

Настька, улыбнувшись, кивает и принимается за десерт. Правда, съев ложку, морщится и быстро запивает водой.

– Что такое? – нахмурившись, смотрю, как ее передергивает.

– Там грецкий орех, – капризно надув губы, отставляет она креманку, но сразу же поясняет ситуацию. – Я его терпеть не могу. Бабушка заставляла в детстве есть с медом. Чуть ли не силой мне его пихала и стояла над душой с ремнем, пока все не съем. С тех пор даже вид его не выношу.

– Хорошая у тебя бабуля, – смеюсь, представив этот дурдом, но Настька вдруг огорошивает.

– Любовь, порой, принимает странные облики. Иногда вообще, как кривое зеркало из-за отпечатка прошлого со всеми его неправильностями. Я поэтому и спрашиваю про твое. Когда знаешь, через что прошел человек, тогда многое воспринимается легче.

Честно, я не знаю, что на это ответить. Не должна девочка в восемнадцать лет понимать такие вещи, поэтому могу лишь пораженно произнести:

– Откуда в тебе это?

– От мамы, – пожимает она плечами с грустной улыбкой. – Просто, если бы я не научилась угадывать хоть какие-то правильные черты в том, что она делает, я бы сошла с ума от ее ненависти.

– Ты удивительная, знаешь, – шепчу, нежно коснувшись костяшками пальцев ее щеки. Все сказанное находит во мне

сильнейший отклик.

– Может, просто терпила? – иронизирует она меж тем со смешком.

– Ну, тогда мы все терпили в той или иной степени. Меня вот батя п*здил, как собаку, но я тоже умудрялся как-то во всем этом разглядеть любовь.

– А мама?

– А что мама? Зачастую брала огонь на себя. Защищала меня, сама получала. Потом, закрывшись в ванной, сидели с ней, жалели друг друга, сопли на кулак наматывали, – вспоминаю с кривой усмешкой ужасы своего детства.

– Почему же не ушла? Разве нормальная мать станет терпеть, когда ее ребенка унижают, а то и наносят вред здоровью?

– Ну, ты уж не гони коней, Настюш. Мать у меня была – дай бог всем такой! – торможу ее, задетый несправедливым упреком.

– Прости, я просто...

– Ты просто не понимаешь, что такое жизнь в советское время, когда все жили с оглядкой на то, что люди скажут. Это сейчас на каждый пук полно всяких психологов – х*елогов, и то бабы терпят всякое! А тогда люди вообще темные были: всего боялись, а порой, даже и не знали, что можно как-то иначе. Мамка у меня тоже мало, что в жизни видела и знала, но любила нас с Зойкой так, что несмотря на побои, во взрослый мир мы вышли с гранитной уверенностью в се-

бе, своих силах и в том, что у нас за спиной железобетонная поддержка и опора. Думаю, это самое важное, что каждый родитель должен подарить своему ребенку.

– Тогда ты на все сто справился с задачей. Олькина уверенность в себе иногда не знает границ, – подкалывает меня Настька.

– Я что-то не понял, Анастасия Андреевна, это вы сейчас так тактичненько раскритиковали мою дочь?

– Упаси Господь, Сергей Эльдарович. Вашей дочерью я только искренне восхищаюсь, – открещивается она поспешно и, тяжело вздохнув, отводит взгляд.

– Что такое? – сразу же улавливаю перемену ее настроения.

Настька качает головой, но потом все же признается.

– Не знаю, как быть с ней. Хотела отстраниться под надуманной ссорой, но... не получилось, не хватило смелости. Теперь чувствую себя мразью какой-то. Не хочу за ее спиной вот так...

– А как хочешь? Правду рассказать? – мгновенно напрягшись, пытаюсь понять ее логику.

– В том и дело, не знаю, как лучше поступить. Понимаю, что спрашивать у тебя совета – смешно, но мне больше не у кого. Да и кто, если не ты учтет все интересы?

Что ж, справедливо. Заварил кашу – расхлебывай. Вот только тут, как ни поступи, все равно будет плохо, причём всем. Самое верное – не обострять раньше времени.

– Насть, я понимаю, ситуация некрасивая. Мне, так же, как и тебе, все это не по душе, – пытаюсь донести до неё свою позицию. – Оляка – самое дорогое, что есть в моей жизни. Как отец, я, конечно же, не хочу, чтобы она почувствовала себя обманутой, преданной и посмотрела на меня однажды с отвращением, НО! Дело не только в этом. Я не пытаюсь за твой счет хорошо устроиться, просто не вижу смысла накалять сейчас обстановку. Через полгода вы разъедетесь, поступите в университеты, и тогда без лишних нервов, и шума эта дружба сойдет на «нет». Так зачем создавать проблемы, которые можно избежать? Чего ради, Насть? Тебе станет легче, если ты обрушишь нам на голову всю нашу жизнь?

– Не станет, – устало признает она мою правоту и, втянув с шумом воздух, добавляет. – Но и так тоже невыносимо.

– Понимаю. Но потерпи эти несколько месяцев. Обещаю, к лету все изменится.

Настька хмыкает и нехотя соглашается:

– Надеюсь, так и будет.

– Не сомневайся. А теперь давай уже, наконец, доедим и пойдём. Закажи себе что-то другое, – резюмирую, дивясь, как мы с десерта перескочили на такие серьёзные темы.

– Ой, это ещё на полчаса затянется, – отмахивается Настька.

– Ну, давай тогда махнемся, мой вроде должен быть без орехов, – предлагаю, пододвигая к ней нетронутый десерт.

– Но я в своем уже поковырялась ложкой, – предупрежда-

ет она.

– И?

– Негигиенично как-то...

– Правда что ли? – не могу не сыронизировать. – А когда я вас вылизывал, Анастасия Андревна, нормально было? – уточняя доверительным шепотом, отчего она, конечно же, краснеет, но взгляд не отводит.

– «Нормально» – это не совсем то слово, Сергей Эльдарович, – шелестит в ответ.

– А какое тогда то? – подавшись слегка к ней, ласкаю взглядом её губы. Настька, соблазнительно прикусив их, тоже перегибается через стол, и чувственно выдыхает мне на ухо:

– Ох*енно.

От ее горячего дыхания, сладкого аромата и этого грязного шепота, кровь моментально вскипает.

– Ты в курсе, что за такие словечки хорошим девочкам моют рот с мылом? – повернув к ней лицо, интересуюсь насмешливо, почти касаясь губами ее губ.

Несколько долгих секунд смотрим друг другу в глаза. Сам не замечая, как провожу по ее нижней губе большим пальцем, который она коротко целует, а после, приблизившись вплотную, обводит языком контур моих губ и дразняще прикусив, мурчит:

– Мой рот в вашем полном распоряжении, Сергей Эльдарович.

Естественно, от такой заявочки у меня тут же встал.

Моментально, бл*дь, по стойке смирно.

Эта же паскуда, все поняв, с довольной улыбкой отстраняется и, поменяв наши креманки, снимает ложкой крем. А после, стреляя смеющимися глазками, облизывает ее своими влажными, бл*дскими губищам с таким вкусом, что я просто стервенею от нахлынувшей жаркой волной похоти.

– Ты нарываешься, Сластен, – предупреждаю хрипло. Но ей хоть бы хны. Продолжает своё порно – шоу в мою честь. А я, как замороженный, смотрю. Нет. Жадно жру каждое движение ее языка, откинувшись на спинку дивана.

– Да? И на что же? На газосварщика? – игриво уточняет меж тем Настька и, медленно скользя языком по ложке, довольно жмурится.

Несмотря на то, что ей не хватает раскованности, чтобы поминутно не краснеть, все равно то, как она посасывает, облизывает и просто обхватывает своими сочными губами ложку, выглядит охренительно настолько, что я едва сижу на месте.

– На неотесанного чурбана, – парирую с плотоядным смешком и демонстративно, расставив ноги, поправляю член, а после для полноты эффекта несколько раз провожу по нему, не отрывая пристального взгляда от ее лица.

У Настьки округляются глаза, и на мгновение она зависает с приоткрытым ртом.

Да, пирожечек, мне глубоко похер, где мы и сколько вокруг

народу. Учитывай это, когда начинаешь свои игры.

– И что это должно означать? – поняв мой посыл, прочищает она горло и, напустив на себя невозмутимый вид, поспешно проводит салфеткой по губам, стирая с них остатки крема. Жаль, было красиво.

– Это означает, что еще чуть-чуть, сладкая, и так же старательно ты будешь сосать мой член в ближайшем туалете, – обещаю тихо, представляя её на коленях с размазанной под глазами тушью и опухшими, растрепанными до кровавой красноты губами. – Отсосешь мне, Настюш?

Она снова краснеет, а во мне просыпается оголодавшее, похотливое зверье. Я не просто хочу отыметь её на все лады. О, нет! Я хочу с ней таких диких, отбитых вещей, которые у многих баб вызовут приступ адского негодования. Но мне до многих нет никакого дела, главное, чтобы позволила она. А она позволит. Более того, ей понравится. Я это нутром чую, в глазах её читаю, когда она почти беззвучно отвечает на мою провокацию:

– Да.

Будь она хоть чуточку поматрёрей, я бы не стал себя тормозить. Но, несмотря на все смелые выкрутасы, передо мной не заведённая на максимум бабёнка, которой неважно где, лишь бы уже где-нибудь, а девчонка, ещё не вошедшая во вкус. Понятно, что она не столько хочет секса, сколько произвести впечатление. Поэтому в туалете я просто мою руки, а после мы с Настькой идём гулять.

Поначалу кажется смешным бродить по улицам, держась за ручки. Последний раз я такое практиковал в классе десятом и то с огромной неохотой. Не круто это было. Сейчас вроде бы тоже как-то глупо выглядит. Но я смотрю на счастливую улыбку моей Сластенки, слушаю её смешные рассказы, вдыхаю суетной столичный воздух, и понимаю, что мне по-настоящему хорошо.

Хорошо с ней строить дурацкие рожицы в объектив камеры на Красной площади, вспоминать детство, гуляя по Патрикам, хорошо жевать яблоки в карамели на ВДНХ и жадно целовать липкие, сладкие губы, зажав Настьку в какой-то подворотне и, как малолетний, ошалевший от возбуждения, пацан шарить по ее груди холодными руками, пока она коленом поглаживает мой пах.

Даже сходить с ума от желания рядом с ней, делясь своими довольно банальными мечтами о спокойной жизни и «домике у океана» в Хэмптонсе, тоже хорошо. Но еще лучше молчать, встречая закат на Воробьевых горах, обнимая ее и вдыхая нежный аромат её духов. А после, перебрав за ужином вина, с пьяной улыбкой любоваться, как она, заливаясь смехом, танцует на Арбате под гитару каких-то уличных музыкантов.

Видел ли я что-то или кого-то красивее?

Может, и видел, но глядя на неё, забыл весь мир. Его просто не существовало.

Только она и это щемящее чувство, от которого внутри

все как-то так слегонца подрагивает. Я и не знал, что так вообще бывает, что можно быть настолько счастливым рядом с женщиной.

Бабы в моей жизни вообще были не про счастье, скорее, про удовольствие и удобство. Она же... Она такая одна. Не «особенная», не «любимая», вообще без сравнительных степеней. Просто единственная, как бы нелепо это ни звучало в сложившихся обстоятельствах.

Такая вот романтическая фигня крутится в голове весь вечер.

В Ритц мы приезжаем глубокой ночью, все еще пьяные и на кураже. Регистрация, заселение и прочая суeta немного отрезвляют, поэтому, как только за нами закрываются двери президентского люкса, веду себя вполне цивилизованно и не набрасываюсь на Настьку голодным зверем.

Может, и зря. Разобрав чемодан и взглянув на нашу кровать размера King, моя девочка как-то в миг робеет, смотрит на меня застенчивой ланью, неловко улыбается, а потом и вовсе, протараторив что-то, сбегает в душ.

Удивлен ли я? Да ничуть. Вполне в духе Анастасии Андреевны: сначала насасывать ложку, как заправская минетчица, а потом краснеть при виде кровати. И хотелось бы посоветовать, за что меня так боженька любит, но в том и дело, что есть за что.

С такими мыслями иду во вторую ванную, чтобы хоть немного остудить пыл. Не будь Настька вчерашней целкой,

никаких проблем бы не было. Я не из брезгливых, никакие дни меня не смущают. Уж кровищи я в своей жизни навиделся, да и вариантов помимо традиционного секса хватает. Я в принципе и сейчас могу раскочегарить Настю так, что она забудет о смущении и позволит трахнуть ее, куда угодно, но градус, как говорится, надо повышать постепенно, иначе можно сдохнуть от похмелья. А мне бы не хотелось, чтобы моя девочка стыдилась, переживала, зажималась. У нее и без того загонов хватает.

В общем, терпения мне и еще раз терпения.

Правда, когда возвращаюсь в спальню, моя мантра летит к х*ям вместе с током крови. Буквально.

А все эта Паскуда!

Стоит спиной ко мне в какой -то убийственно – сексуальной сорочке, едва прикрывающей задницу, и расставив свои длиннющие ножищи, вытирает полотенцем волосы, слегка прогнувшись.

Вид – просто ох*еть. Никакая панорама из окна на Красную площадь и рядом не валялась.

Подхожу вплотную и, перехватив поперек талии, прижимаюсь напряженным членом к ее упругой попке. Настюшка вздрагивает, но тут же замирает в моих объятиях.

– Прямо выпрашиваешь, Настюш, – скольжу носом по ее шее и, обхватив одной рукой полушарие груди, другой – забираюсь под подол сорочки и начинаю поглаживать вдоль кружевных трусиков.

Моя девочка втягивает судорожно воздух, по коже у нее бегут мурашки, которые я тут же ловлю языком, отчего она с едва слышным стоном прогибается еще сильнее и начинает медленно тереться об мой член, дразня меня.

– Допросишься, Настька. Раком поставлю и вы*бу, – сгребая в пятерню ее волосы, заставляю повернуть ко мне голову и провожу языком по ее щеке.

– В рот хочу, – обжигает зараза мои губы прерывистым дыханием и, глядя в глаза, заводит руку за спину. Развязывает на мне полотенце и обхватывает член.

Меня насквозь прошибает удовольствием, когда она проводит ладонью вверх -вниз. Сжимаю ее щеки и грубо вталкиваю язык в ее горячий, влажный рот. Она жадно сосёт, сплетается своим языком с моим и, крепко сжав член, дрожит мне.

Сильно, быстро, жёстко. Идеально – одним словом: именно так, как я ей показал.

И у меня просто крышу рвёт от кайфа, и желания надавить ей на плечи, а после трахнуть ее зацелованный рот.

Будто читая мои мысли, Настька прерывает наш бешеный поцелуй. Поворачивается ко мне всем телом и, покрывая короткими поцелуями мой торс, опускается передо мной на колени.

Поднимает взгляд и по-шлюшьи пошло облизывает свои распухшие губы, сводя меня с ума.

Не выдержав, кладу ладонь на её затылок и, слегка на-

давив, заставляю придвинуться ближе. Обхватываю член и медленно начинаю водить головкой по её красивым губам.

– Открой рот, – шепчу хрипло, размазывая каплю смазки. Настя, как прилежная девочка, послушно выполняет. Ударяю членом по ее язычку и сразу толкаюсь в гостеприимно распахнутый для меня, жаркий рот.

Вроде бы вхожу аккуратно, всего лишь наполовину, но Настя все равно давится. Запаниковав, упирается ладонями мне в бедра.

– Шш, дыши носом, Настюш, – погладив по щеке, за волосы оттягиваю ее голову назад.

Сластенка делает несколько жадных, спасительных глотков воздуха, а после сама тянется к члену. Позволяю ей немного побаловаться: облизать его, как конфету, пососать головку, поводить губами по стволу...

Ее движения неумелые, порывистые, но меня от них все равно прет. Запрокинув голову и закрыв глаза, наслаждаюсь влажными звуками и ее старательными губами. Однако, все равно хочу больше: глубже в ее рот, сильнее, жестче.

Поэтому через несколько минут перехватываю инициативу и, заставив ее запрокинуть голову, делаю пару поступательных движений на пробу, а после толкаюсь ей в горло.

У нее тут же срабатывает рефлекс и на глазах выступаю слезы, но она только лишь судорожно дышит и тяжело сглатывает, когда я выхожу.

– Расслабь горло, Настюш, не задерживай дыхание – на-

ставляю, делая еще один глубокий толчок, а потом снова и снова. И с каждым разом она все лучше принимает меня, перестает зажиматься.

– Умница. Вот так. Не стесняйся, – одобрительно приговариваю, как завороченный, глядя на нее, на то, как слюна медленно стекает с подбородка ей на грудь. Подцепив бретельку сорочки, позволяю шелку соскользнуть на талию и, наклонившись, в такт движению бедер начинаю поглаживать ее торчащие, напряженные соски. Настька стонет с моим членом во рту и жмурится от удовольствия, а я окончательно слетаю с катушек от понимания, что ей нравится сосать мне, что ей это в кайф.

– Поласкай себя, – требую, вгоняя член так глубоко и жестко, что она заходится кашлем и слезами, но не просит остановиться, лишь протестующе мычит, когда я повторяю свой приказ. – Давай, маленькая, руку в трусы и ласкай. Ты ведь там мокрая вхлам.

Несколько долгих секунд она борется с остатками смущения, но, видимо, поняв, насколько это нелепо, учитывая ситуацию, расставляет колени пошире и ныряет ручкой под подол сорочки.

Как только она касается себя, у нее вырывается стон и закатываются глаза. И это настолько сексуально, что меня насквозь прошибает удовольствием.

Вдальбливаюсь в нее уже просто без контроля, на всю длину, глубоко в горло, стону вместе с ней от кайфа, и кончаю

на растряханные губы так сильно, что темнеет в глазах, а после трясет, как припадочного, особенно, когда она все до последней капли слизывает и глотает.

– Ох*енный рот, Настюш, – шепчу ей и, наклонившись, впиваюсь в него глубоким, жарким поцелуем.

Да, после того, как кончил в него. И да, в залитый слюнями и слезами. Но похер. Абсолютно.

В конце концов, почему я должен брезговать собой и своей девочкой? Пусть такой херней страдают закомплексованные придурки и ханжи, у меня, слава богу, с башкой в этом плане порядок.

Остаток ночи мы с Настькой проводим в разговорах. Я бы, конечно, с удовольствием продолжил просвещать ее по части секса: отжарил бы по-полной программе, но увы и ах. Она не позволяет даже через трусики коснуться её и довести до оргазма. Снова садит на цепь пошлую девчонку и, врубив скромницу, убегает в ванную, приводить себя в порядок.

– Откуда этот шрам? – спрашивает чуть позже, когда пытаемся заснуть, и проводит кончиками пальцев по моей спине, а я с улыбкой вспоминаю молодость.

– Это я в шестнадцать решил девчонку впечатлить на восьмое марта, да заодно подзаработать. Подбил друзей угнать у хачей фургон с цветами. У них раньше вместо складов стояли фургоны рядом с торговыми палатками. Ну, вот пока мои друзья забалтывали продавца, я пытался этот фургон завести. Там меня хач и спалил, да чиркнул слегонца

по спиняке, когда я убежал.

– О, Боже! – засмеялась Настька и, прищурившись, конечно же, не удержалась от претензии. – Ты так сильно был влюблен в ту девочку?

У меня вырывается смешок.

Ох, уж эта женская логика! Им кажется, что если мужик совершает что-то из ряда вон ради них, то это какая – то сто-процентно невзъ*бенная любовь. С возрастом оно, конечно, так и есть: ты чётко понимаешь последствия и рискуешь только ради той, что действительно нужна. В шестнадцать же эпатаж в большинстве своём – не более, чем дурная кровь, желание показать себя и по-быстрому получить то, что хочется.

Я тому яркий пример: уже через неделю у меня была дру-гая девчонка и новые приключения. Но Настьке я это, конечно же, не вижу смысла объяснять. Просто притягиваю её к себе вплотную и, забравшись руками под сорочку, сжимаю её упругие булочки.

– Я был всего лишь отбитым на всю башку подростком, Настюш. Сильно влюблен я только в одну длинноногую, зеленоглазую девочку, – шепчу, целуя ее в кончик носа.

– Неужели? – тянет она с довольной улыбкой и, слегка прикусив мою нижнюю губу, предъявляет. – Вот только почему-то, Сергей Эльдарович, для «сильно любимой, зеленоглазой и длинноногой» покупаете букет, а для не пойми кого угоняете фургон с цветами. Что-то как-то не сходится...

– Все сходится, Анастасия Андреевна. Просто сильно любимая – сама, как тот фургон с цветами, который приходится угонять у всего мира, поэтому не было времени подумать о чем – то более впечатляющем, но обещаю, я исправлюсь, – заверяю её со смешком. Проведенные аналогии веселят.

– Мне ничего не нужно, ты же знаешь. Пусть только все получится и обойдётся без ударов в спину, – погладив меня по щеке, отзывается Сластенка тихо. Я же в который раз поражаюсь, как тонко она все чувствует и понимает.

– Получится, маленькая, не сомневайся, -прижав её к себе крепче, целую в макушку, точно зная, что без ударов в спину вряд ли обойдется.

Но такова жизнь: нельзя угнать грузовик с цветами на фарте и без последствий.

Мы ещё немного болтаем обо всякой ерунде, а после засыпаем.

Последующие дни проходят в том же сумасшедшем ритме: два часа на сон, с утра дела, встречи с нужными людьми, Настька в это время либо встречалась с друзьями и родными, либо отсыпалась после очередной бурной ночи. А ночи у нас были просто безумными. Мы, как дорвавшиеся до свободы подростки, не пропускали ничего из того, что можно было урвать: кино, рестораны, бары, прогулки по городу, разговоры обо всем на свете, цветы, мороженки, подарки... Я пытался в эти кратчайшие сроки по максимуму дать моей малышке все то, чего она будет лишена со мной по возвраще-

нию домой, поэтому мы практически забыли про сон. Даже приползая в номер пьяными и уставшими до полусмерти, мы все равно не могли оторваться друг от друга. Целовались, как дикие, ласкались. Настька с каждым разом зажималась все меньше: позволяла залезть ей в трусики и довести до оргазма пальцами, а уж как она старалась компенсировать свои загоны на тему "этих дней" минетом... С таким наслаждением и самоотдачей мне ещё не сосали.

Пожалуй, это могла быть лучшая неделя в моей жизни, если бы за два дня до вылета меня не разбудил вибрирующий Настькин телефон. Не глядя, я сначала несколько раз скинул звонок, но кто-то продолжил настойчиво трезвонить.

На часах было четыре утра, на дисплее – «Сеня», а на повестке дня несколько встреч с не самыми приятными типами, поэтому я, естественно, взбесился. А когда увидел, что сопливый додик уже неделю названивает Настьке и истерит в сообщениях, и вовсе вышел из себя.

Не знаю, говорила ли она с ним, объясняла ли что-то. Судя по его просьбам ответить и обвинениям в том, что она ведёт себя, как ребёнок, предпочла, как всегда, спрятать голову в песок.

Позицию страуса я не разделял. Но на месте додика любой нормальный пацан уже давно бы все понял и отстал, этот же ждал каких-то пояснений.

Что ж, пояснения я ему обеспечил. Позвонил своему начальнику СБ и отдал распоряжение, чтобы немного потолко-

вали с дурнем, а после отправился, наконец, спать.

Казалось бы, проблема исчерпана. Как говорится, если не доходит через голову, дойдет через печенку. Во всяком случае до любого нормального пацана. Но я снова не учел, что этот дурачок и «нормальный пацан» не имеют ничего общего. Честно говоря, я и думать про него забыл, как только положил трубку. Днем меня закрутили дела, вечер тоже получился насыщенный.

Один тип из криминальных пригласил меня на встречу в свой клуб. Поскольку я уже пятые сутки спал от силы два часа, перспектива провести ночь в накуренном, шумном гадюшнике меня не особо прельщала. Настька к тому же напросилась со мной. Видите ли, ей потанцевать приспичило, да и клуб не хухры – мухры.

Светить её мне совершенно не хотелось, особенно, перед таким контингентом, но и отказывать тоже не было причин.

Однако, когда она вышла из гардеробной в коротеньком, темно-зеленом платье и черных ботфортах, я понял, что одни ее ноги – уже причина.

Наши русские бабы безусловно в большинстве своём хорошенькие, так что красотой мало, какого мужика можно удивить, но, как говорил сам Пушкин, сыскать три пары красивых, женских ног во всей России – это надо потрудиться. А когда они еще такие длиннющие, стопроцентный п*здец и слюни до пола этим вечером обеспечены.

– Ну, как? Нравится? – накинув поверх кожаный плащ,

красуется Настька передо мной. На губах у неё алая помада, на глазах – стрелки, волосы собраны в высокий хвост – ничего вычурного, но выглядит настолько сексуально, что меня, как кипятком, обжигает похотью. Перед мысленным взором проносятся пошлые картинки, но я тут же торможу свою разыгравшуюся фантазию.

– Переоденься, – бросаю строго и, отведя взгляд, закуриваю.

– В смысле? – возмущившись, скидывает Настька бровь.

– В прямом. Я еду решать дела, а не тебя караулить.

– Ну, и решай, я вполне могу сама разобраться, если кто пристанет. Раньше же как-то жила, – насмешливо парирует она и подхватив сумочку, подходит ко мне. – Так тебе нравится?

– Настя, я тебе все сказал! – цежу сквозь зубы, когда она с игривой улыбкой заглядывает мне в лицо.

– Ты не ответил на вопрос, – дразнится паскуда. Втягиваю с шумом воздух и чуть ли не по слогам чеканю:

– Не нравится. Ты похожа на придорожную шалаву.

Как ни странно, моя грубость ее ничуть не задевает, наоборот вызывает снисходительную улыбку.

– Вы противоречите сами себе, Сергей Эльдарович. Придорожные шалавы – эталон того, что всегда нравится мужикам. Так что неубедительно.

– Настя! – предупреждающе рычу, хотя самому уже смешно, но я все же продолжаю стоять на своем. – Мне не нра-

вится, когда на мою бабу пускают слюни все, кому не лень.

– Да? – тянет она наигранно, ничуть не впечатлившись, и нагло закинув руки мне на шею, соблазнительно прижимается всем телом, шепча. – А мне вот не нравится, когда всякие девки строят глазки моему мужику, но я же не говорю ему, чтобы он снял свои ролексы, оделся, как бомж и прекратил улыбаться.

Конечно же, после такой предъявы не могу сдержать смешок.

– Ты не угомонишься, да? – уточняю мягко, скользнув ладонью по её круглой попке.

– Даже не надейся, – качает Сластенка головой с хитренькой улыбкой и прогибается навстречу ласке, как голодная кошка.

И мне до безумия нравится она такая. Нравится, что рядом со мной она раскрепощается, забывает про свои комплексы, страхи и становится собой – той, которой и должна быть: знающей себе цену, красивой, острой на язычок стервочкой. Однако, когда это идёт вразрез моим желаниям, начинает не слабо напрягать. Но что уж теперь? Сам ведь настаивал.

– Мне казалось, ты собиралась танцевать, – предпринимаю последнюю попытку вразумить эту мелкую занозу. – Тебе в этом удобно будет?

– Мне в этом будет красиво, Серёжа, – заверяет она с ехидной усмешкой и, слегка коснувшись моих губ своими, мур-

чит. – А еще очень – очень горячо, когда ты будешь смотреть на меня и сходить с ума.

– Сходить с ума? Думаешь? – выгибаю высокомерно бровь, чтобы хоть немного смутить и охладить эту хренову соблазнительницу.

И да, она краснеет, но не взирая на пылающие щеки, кладет мне ладонь на ширинку и, пройдясь вверх-вниз по стоящему члену, повторяет мой финт, выгибая с довольной ухмылкой бровь.

– Ты редкостная сучка, Настюш, – резюмирую, втянув с шумом воздух.

– Да-а, очень – очень мокрая сучка и без трусов, – взяв меня за руку, направляет она её себе между ног. У меня же от понимания, что это значит и от того, как там горячо и мокро у нее, просто плывут мозги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.